

16+

Елена Рудакова

Девятиэтажка

Елена Рудакова

Девятиэтажка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рудакова Е. О.

Девятиэтажка / Е. О. Рудакова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-94816-7

Приключения простого московского парня в мире рядовой советской девятиэтажки, где каждый этаж и каждая квартира оказываются не тем, чем должны. Сталкиваясь с материализовавшимися воспоминаниями, чужими и своими, с новыми фантастическими мирами и монстрами, главный герой должен обрести силу, найти выход и понять, как устроена девятиэтажка. Люди, встречающиеся ему на пути, оказываются замешаны в странных делах, которые явно как-то связаны с появлением девятиэтажки на окраине Москвы... Изображение на обложке: фотография David Besh с сайта Pexels.

ISBN 978-5-532-94816-7

© Рудакова Е. О., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1	5
2	10
3	18
4	23
5	31
6	37
7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Рудакова

Девятиэтажка

1

«Снимать офис на Арбате недёшево», – подумал Вадим, оказавшись перед стеклянными дверями между понурыми бетонными кариатидами. На табличках у входа, помимо пафосных международных компаний, значилось и бюро частных консультаций доктора Поповой.

На четвёртый этаж Вадим поднялся на лифте со швейцаром, проводившим его безразличным взглядом животного из зоопарка, и наверху он столкнулся с длинным коридором одинаковых стеклянных закрытых дверей. Молчаливый лифтёр не ответил на вопрос о консультациях, и Вадим сам нашёл офис в конце этажа. Серая железная дверь нелепо смотрелась в арбатском офисном комплексе, да и винтажный интерьер в духе советских кабинетов довоенной эпохи за нею казался неожиданным.

Секретарша выхолощено улыбнулась и сразу проводила клиента к доктору в кабинет. Заходя, Вадим привычно пригнулся, хотя в старом доме были и высокие дверные проёмы, но люди двухметрового роста предпочитают не рисковать.

Две стены кабинета были заставлены дубовыми книжными полками от пола до пятиметрового потолка. Современные издания, советские учебники, потрёпанные книги неизвестного года выпуска... Кое-что разбросали на полу, на диване и на рабочем столе. За стопками книг Вадим не сразу заметил женщину средних лет в очках и со строгим хвостом из светлых мелированных волос.

– Господин Ильин? – необычно обратилась она мягким голосом.

Вадим кивнул и сел в кресло напротив женщины, как всегда, не зная, куда девать длинные ноги.

– Присаживайтесь, – с улыбкой сказала она после того, как Вадим уже сел, и тот почувствовал себя неловко.

– Симпатичный кабинет, – попытался он улучшить впечатление о себе.

– Делал английский дизайнер, – женщина достала из-под одной раскрытой книги блокнот, не сразу нашла пустую страницу и взяла ручку. – Итак, я доктор Ирина Попова. Более пятнадцати лет занимаюсь психоанализом, имею длинный список квалификаций, который можно увидеть на моём сайте. Расскажите немного о себе, господин Ильин.

– Ну, с чего начать... – Вадим не был готов бросаться с места в карьер.

– Начните с главного, – Ирина пристально посмотрела в глаза.

– Я родился в тысяча девятьсот девяносто...

– Нет-нет-нет, – с приторно доброй улыбкой остановила его доктор. – Начните с того: почему вы соврали о моём кабинете?

– Соврал? – нахмурился Вадим. Он чувствовал себя менее комфортно с каждой секундой.

– Соврали, – кивнула Ирина. – Вам на самом деле не нравится мой кабинет. Почему?

– Видите людей насквозь? – хмыкнул Вадим. – Честно говоря, я люблю порядок, а у вас всё разбросано.

– Считаете меня неряшливой?

– Я бы не стал так радикально выражаться...

– Не врите снова, в этом корень ваших бед.

Повисла тишина, и Вадим услышал, как секретарша в коридоре варит ему кофе.

– Мать настояла, чтобы я пришёл к вам, – заговорил он.

– Я помню госпожу Ильину. Мы с ней чудесно поработали после смерти вашей бабушки, – улыбнулась Ирина, глядя вдаль, будто вспоминая старые-добрые времена.

«Как бестактно для психотерапевта», – подумал Вадим, всё меньше желая раскрывать душу перед этой женщиной.

– Они с отцом переехала обратно в Ессентуки, – сказал он.

– Так вы теперь живёте один?

– Да, снимаю квартиру на юге.

– В каком доме?

– В смысле? Вам адрес назвать?

– Нет. Сколько этажей в доме?

– Э-э-э... Вроде семнадцать, – удивился Вадим странному вопросу. – А что?

– Просто интересно. А вы на каком живёте?

– На десятом.

– Хорошо-хорошо. А планировка какая у вашей квартиры?

– Ну обычная однушка. Я не разбираюсь в этом, простите. И зачем вам?

– Среда обитания определяет поведение, – проговорила Ирина, что-то записывая в блокнот. – Опишите свою квартиру.

Вадим сначала бегло описал обстановку, но, благодаря куче наводящих вопросов доктора, вспомнил и сломанный шкаф, оставшийся от прошлых владельцев, и зеркало в плетёной оправе, и две гитары, висящие на стене, и набор для раскуривания трубки, хранящийся в комод, и отходящий плинтус на кухонном потолке, и разложенные по размеру бритвенные принадлежности на стиральной машинке, и развешанные по дате стирки чёрные рубашки в гардеробе, и рассортированные по остатку дебетовые карты на прикроватной тумбе.

– Всё ясно, – кивала Ирина, будто конспектируя каждое слово. – Перфекционист?

– Вроде того, – пожал плечами Вадим. – Просто люблю порядок.

– Всё ясно, – с ухмылкой повторила Ирина, а Вадим закатил глаза. Он не ожидал, что психотерапевт, так воспеваемый матерью, окажется твердолобой бабой, оценивающей людей по одной-единственной привычке. – Это мешает общаться с людьми?

– Нет.

– Вас не раздражает бардак у других дома? Скажем, если они ставят салфетницу не по центру стола или несимметрично держат цветы на подоконниках?

Вадим начинал закипать. Он считал себя терпеливым человеком, но, если выходил из себя – Земля содрогалась.

– Меня раздражают ограниченные люди, – как можно спокойнее сказал он.

– Почему вы носите чёрную одежду? – удивилась Ирина, будто только что заметив рубашку Вадима.

– Самый простой и элегантный цвет.

– У вас много чёрных вещей дома?

Прежде, чем ответить, Вадим потёр руками виски и подумал: «Спокойствие, только спокойствие... Раз. Два. Три. Четыре. Пя...»

– Я спросила: у вас много чёрных вещей дома? – прокричала Ирина, не снимая дружелюбной улыбки с лица.

– Вас прекрасно слышно, – тихо ответил Вадим. – Я пытался сосредоточиться, чтобы не наорать на вас.

– Наконец-то, вы показываетесь из-под скорлупы! – хлопнула в ладоши доктор. – Вас нервируют яркие цвета?

– Возможно.

– Как вы считаете, почему?

– Я считаю, что зря пришёл на приём, – заявил Вадим и поднялся из кресла.

– Стойте, ещё один вопрос! – Ирина протянула руку в сторону уходящего, словно потянула затёкшую мышцу руки.

– Ну? – Вадим обернулся уже на выходе.

– Почему мать направила вас ко мне?

– Потому что знает вас, – хмыкнул Вадим. – Но понятия не имею, как вы могли ей помочь.

– Нет, я имела в виду другое. Почему она направила вас к психотерапевту?

– А, это... – Вадим думал уходить, но решил, что один ответ ни к чему плохому не приведёт. – Она считается, что я слишком нервный... И что это мешает мне найти семью и надевать ей внуков, хотя я этого в ближайшем будущем и не планирую.

– Вы так же встаёте и уходите посреди разговора с матерью?

Вадим задумался. Он всегда считал себя уравновешенным собеседником, но, если подумать, именно при общении с матерью терпение часто давало сбой.

– Иногда, – ответил он, делая шаг обратно к столу доктора Поповой.

– Что служит триггером вашего ухода? После чего вы можете потерять терпение?

– Сложно сказать... – Вадим по привычке горбился, стараясь спрятать высокий рост. – Наверное, её советы.

– Объяснимо, – улыбается Ирина. – Но это не советы о поиске жены. Ваши проблемы иного толка.

– Вы строите из себя экстрасенса? Будете читать мои линии на руке?

– Это не так работает, – покровительственно усмехнулась женщина.

– А как? Мать, кстати, ни слова не говорила о том, как именно проходили сеансы. Сказала только, что мне понравится. И знаете, это вызывает определённые предчувствия...

– Пожалуйста, придержите пошлые фантазии.

– Да я даже не намекал! – ахнул Вадим и не заметил, как снова оказался в кресле пациента. – Не делайте из меня извращенца!

– Извращений в вас тоже хватает, но мы будем работать не с ними. Не только с ними.

Вадим сглотнул.

– Я хочу, чтобы вы подумали, – сказала Ирина, откладывая блокнот, – и назвали мне самую странную вещь о себе. Не обязательно то, что замечают родители или друзья. Что угодно. Я подожду.

Он облокотился на острое колено, прикидывая в уме, что сказать психотерапевту. Сначала он думал, чего бы поубедительнее наврать, но, поняв, что больше не придёт сюда, решил сказать правду. Однако Вадим действительно не мог представить достойную упоминания странную вещь. Настолько странную, чтобы она не встречалась ни в ком из его знакомых. Разве что...

– Мне всегда казалось, будто я к чему-то готовлюсь, – решил Вадим, не отрывая взгляда от начищенного кабинетного паркета.

– Вы чувствуете, будто ваша настоящая жизнь ещё не началась? – кивнула доктор. – Такое бывает у многих пациентов...

– Нет, у меня скорее наоборот. Я не думаю, что попаду в Хогвартс или спасу параллельное измерение, – с усмешкой потерявшего мечты ребёнка ответил Вадим. – Я пытаюсь запомнить каждую мало-мальски значимую деталь своей жизни. Даже не так. Самую незначимую деталь я, наоборот, стараюсь запомнить в два раза точнее.

– Для чего именно? – Ирина перелистнула блокнот на новый лист.

– Вот тут начинаются сложности... Помните фильм «Миллионер из трущоб»? Там совершенно случайные знания помогли парню выиграть. А мне кажется, будто однажды у меня спросят: «Вадим, какого цвета был ошейник на мопсе, которого ты встретил у зоопарка тринадцатого октября в семь лет?» Я отвечу: «Синего», и... ну...

– И что же произойдёт?

– Да не знаю я! – раздражённо махнул рукой парень. – Я представлял разные обстоятельства, но всё сводилось к тому, что это знание могло спасти жизнь мне или кому-то ещё.

– Такие мечты не сильно отличаются от желаний пациентов, скорбящих по Хогвартсу, в который они никогда не попадут, вам не кажется? – сочувственно спросила доктор.

– Я не представляю ничего нереального! – хлопнул Вадим себя по коленке.

– А кто в реальности, по-вашему, захочет вас протестировать и будет знать цвет ошейника какого-то там мопса? – с издёвкой, как показалось Вадиму, заявила она.

– Кто-нибудь да будет знать... А! Зачем я вам это рассказал! – махнул рукой Вадим.

– Не кипятитесь, – сказала доктор, чем ещё больше его взбесила. – Получается, тогда, в семь лет вы начали коллекционировать незначительные детали жизни и систематизировать свою память?

– М-м-м, можно и так сказать.

– Считаете ли вы, что ваша память прочнее памяти других людей?

– Да, я часто замечал, как люди забывают не только мелочи, но и важные вещи. Например, недавно мы с товарищем ездили по делам в Тверь. Он забыл с какого вокзала мы отправляемся, но я хорошо запомнил, что с Ленинградского, потому что на сайте была контекстная реклама отелей в Питере, и я хотел запомнить шрифт, которым было написано название одного из них.

– Тип шрифта мог понадобиться тому же человеку, который спросит у вас о цвете ошейника мопса, встретившегося у зоопарка?

– Да вы меня за психа держите, – Вадим хрустнул костяшками, – я не говорю, что есть какой-то конкретный человек, который следит за моей жизнью. Я просто предполагаю, что даже самая маленькая деталь может пригодиться. Скажем, тренирую память, как Шерлок Холмс.

– Простую тренировку памяти вы бы не назвали самой странной вещью о себе. И что же там был за шрифт?

– Авторский, я его в интернете не нашёл. На том отеле характерно писалась буква «д». Как будто наполовину прописью, а наполовину – как печатная.

– Считаете ли вы, что перфекционизм в выкладывании бритвенных принадлежностей или кредиток – следствие вашего параноидального желания систематизировать всё вокруг?

– Параноидального? – возмутился Вадим и снова встал, чтобы уйти. – И нет у меня кредиток! Я говорил про обычные дебетовые карты!

– Всё понятно, – улыбнулась Ирина, а парень закатил глаза. – Следующий сеанс пройдёт по этому адресу.

Доктор протянула неровно вырванный кусочек листа из блокнота, а Вадим не сразу, но принял его. Написанное от руки название улицы ни о чём ему не говорило.

– До скорого, – успела сказать доктор Попова, прежде чем Вадим захлопнул за собой дверь.

Выйдя на улицу, он сразу набрал матери. Вместо приветствия он услышал встревоженные крики чаек и вспомнил, что родители сейчас в Кучугурах у родственников.

– Здравствуй, дорогой! – раздался радостный голос. – Как ты? Как погода в столице?

– Нормально всё, – ответил Вадим, быстрым шагом направляясь к метро. – Mam, я был у твоего психа. Зачем ты меня к ней послала?

– Ох, Вадик, ты молодец, что сходил! Твои нервы давно пора лечить! А доктор Попова...

– Доктор Попова, доктор Попова! – почти кричал парень. – Она какая-то ненормальная с совершенно непрофессиональным подходом!

– У неё уникальная методика, сынок.

– Да в чём? – искренне взмахнул длинной рукой Вадим и больно ударился о столб.

– Послушай, – нарочито тихо сказала мать. – Ты помнишь день, когда мы смотрели по телевизору, как сносят заброшенную телебашню в Екатеринбурге?

Вадим опешил от неуместности вопроса. Но он помнил, как год назад прямо перед отъездом родителей они сидели перед телевизором в его новой съёмной квартире, и смотрели на яркий экран, пока электрик в коридоре чинил перегоревшую проводку.

– Да, – ответил Вадим. – А при чём здесь она?

– Тебе кажется, что ни при чём, а я родилась не в Ессентуках, как ты или твой отец, а в Екатеринбурге. Башню строили, когда я заканчивала медицинский и была полна надежд. Мы с друзьями ходили раз в неделю на стройплощадку и смотрели как день за днём она росла. Мы обещали друг другу, что, когда она – самая высокая телебашня в мире – будет построена, я уеду по обмену в США, моя сестра – эмигрирует в Израиль, наш общий друг – переедет в Москву, а наш старший товарищ – защитит докторскую в екатеринбургской альма-матер. Эх...

– И что? – подгонял Вадим мать.

– Да ничего, – вздохнула та. – Но телебашню прекратили строить, когда я переехала в Ессентуки. А год назад снесли. А она была двести метров, представляешь?.. Такая высокая!

Вадим закатил глаза. Это был не первый раз, когда мать вспоминала о башне. Год назад в темноте квартиры она тихо плакала, смотря прямое включение из Екатеринбурга. Основание заброшенной телебашни взорвали, и та аккуратно обрушилась на земляную насыпь, сооружённую на берегу реки. Тридцатиметровый клык необрушившейся стены продолжил стоять, просматриваясь из-за грязных облаков пыли, поднявшейся от падения.

– Я не хочу, чтобы и твоя башня рухнула, – добавила мать.

– В Ессентуках не было такой башни.

– Да я знаю, – усмехнулась та. – Доктор Попова дала тебе адрес для следующего сеанса?

– Дала, – Вадим нащупал скомканный лист в кармане.

– Сходи, пожалуйста.

Парень тяжело вздохнул, но слыша, как обеспокоенный вздох матери заглушает крики чаек, согласился.

2

Он впервые услышал о метро Ховрино, прогуглив адрес с листка доктора Поповой. Перспектива пути в полтора часа чуть не остановила Вадима, но после нового звонка матери он побрился идеально заточенным опасным станком, достал проглаженную рубашку из старого шкафа и, закрыв тяжёлую входную дверь, направился в метро.

Прикинув расстояние, Вадим решил сократить дорогу через Шоссе Энтузиастов по МЦК. Он оказался в одном вагоне с розововолосой велосипедисткой, дедушкой, везущим на руках черепашку, и со странной дамой, кутающейся в меховую жилетку под леопарда в середине жаркого июля. Вместе они чуть не ослепли, проезжая мимо Москвы-Сити, сияющей и возвышающейся над заброшенными заводами, через которые проложили МЦК.

В незнакомом районе на северо-западе столицы стояли одинаковые ярко-оранжевые семнадцатипятиэтажные дома, построенные в середине нулевых. Вадим прошёл по берёзовому скверу и, не отрывая взгляда от поблекшего на летнем солнце экрана телефона, добрался мимо школ и детских садов до нужной улицы. Здесь, очевидно, начинался старый район, застроенный советскими серыми панельными девятиэтажками.

Старые липы мешали читать таблички на домах, но, спустя двадцать минут, Вадим нашёл нужный адрес.

«Почему не на Арбате? – думал он. – Эта Ирина позвала меня к себе домой? Ну, интересно. Бальзаковских женщин у меня ещё не было».

На обратной стороне листка оказался код от домофона, и Вадим очутился в тёмном подъезде, пропитанном затхлостью. Консьержки на месте не оказалось, но в адресе была указана первая квартира, так что найти её оказалось не сложно, тем более, что на первом этаже не было двери, отгораживающей лифты от квартир.

Несмотря на рекомендации матери, Вадим не доверял психотерапевту и на всякий случай нащупал складной нож в кармане. Оценив взглядом потёртую дверь с цифрой «1», он достал нож и развернул.

Звонок в дверь – никто не отвечает. На этаже ни слуху ни духу, полная тишина, звуковой вакуум буквально звенит в ушах. Вадим постучал, но и стук не разбавил влажно-тяжёлой тишины. Тогда он нажал на ручку, и дверь неожиданно легко подалась вперёд.

Вадим теперь сжимал нож в руке, другой – включая на телефоне фонарик. Внутри квартиры было темно, будто окна кто-то наглухо заколотил, хотя на улице стоял ранний вечер. Сделав шаг внутрь, Вадим крикнул:

– Алло! Доктор Попова? Вы здесь?

Чихнув от пыли и заметив вековые её клубы, перекатывающиеся под ногами, Вадим понял, что явно зашёл не туда: наверное, перепутал корпус дома. Сделав шаг назад, Вадим услышал тихий скрип, и свет из коридора исчез. Кто-то закрыл на нем дверь.

– Кто здесь? – резко обернулся Вадим, направляя вспышку на закрытую дверь.

Тишина. Вадим огляделся и проклял старый смартфон: фонарик не высвечивал ни черта. Даже ближайшую стену, и ту было не видно. Сделав шаг вперёд и ещё один, Вадим выставил руку вперёд, ища стену, но её не оказалось.

– Какого хрена? – шепнул под нос Вадим, делая ещё шаг вперёд, и ещё, и ещё.

Он хорошо был знаком с планировкой девятиэтажек. На этом углу этажа явно должна стоять однушка со стеной прямо напротив порога.

– Спокойствие, только спокойствие, – сам себе повторял Вадим, вернувшись назад и проверив, что входная дверь всё ещё не открывается.

Он пошёл дальше вперёд, по привычке сгибаясь, чтобы не удариться головой о низкие косяки.

«Вообще, я могу быть и в двушке, – решил Вадим. – Тогда сейчас я иду по коридору мимо ванной в кухню. Ещё чуть-чуть, и я наткнусь на стол или холодильник».

Вадим старался не думать, что сделал намного больше шагов, чем возможно сделать в однушке, двушке или даже трёшке.

«Точно, Попова переделала несколько квартир под помещение для квеста, – облегчённо выдохнул Вадим после догадки. – И как я сразу не догадался? Испытывает мою реакцию на необычные ситуации, всё понятно! Маман всегда любила экстремальные аттракционы. Вот и квест Поповой ей приглянулся».

Сбоку подул ветер, и Вадим как будто услышал тихие голоса, но слабый свет вспышки не мог показать ничего. Пол под ногами стал вязким и скрипучим, как песок, а на потолке замерцали точки, складывающиеся в созвездия. «Просто кажется», – решил Вадим, насильно переводя взгляд с потолка под ноги, где, спустя пару минут, песок вновь стал нормальным бетонным полом советского дома.

Вадим не считал, сколько шагов он прошёл, прежде чем из мрака стали появляться очертания далёких стен. Не думая о том, что они неправдоподобно далеки друг от друга, парень зашагал ещё быстрее, почти бегом. Широкий высокий коридор стал сужаться и снижаться, пока не приобрёл очертания едва различимого, но привычного коридора жилого дома.

Неожиданно над головой Вадима загорелась лампочка Ильича, сиротливо свисающая на проводе. Он зажмурился от ярко-рыжего света, а когда глаза привыкли, обнаружил вокруг не квартиру, но обычную лестничную площадку с четырьмя дверьми. Повернувшись назад, он увидел глухую стену, из которой якобы вышел.

– Очень смешные шутки, госпожа Попова! – громко крикнул Вадим, имитируя приторно-сладкие интонации доктора. – Выходите!

Звонящая тишина не отвечала. Вадим спустился вниз к выходу из подъезда, подёргал замок подёрнутой ржавчиной железной двери и понял, что заперт. Лестница, уводящая на второй этаж, пропадала во тьме.

Оставалось четыре квартирные двери с очень странной нумерацией: 108, 1569, 29, 45334533.

– Это что вообще такое? – рассмеялся Вадим, уверенный, что за ним наблюдают.

Пробежавшись глазами по номерам вновь, он почувствовал, как сердце ёкнуло на числе 45334533. Это оказался не рандомный набор цифр, а первый пароль, который Вадим использовал, впервые зарегистрировавшись в Контакте. Тогда требования к паролям были настолько слабыми, что те защищали как целлофановый пакет от пули. А цифры для пароля Вадим взял из старого номера телефона.

– Используйте грязные методы, – сквозь зубы проговорил он. Страх сменялся раздражением.

Глядя на число 108, Вадим не сдержался от улыбки после раздумий. 108 считается священным буддийским числом: якобы столько бусин носил в своих чётках Будда. И у Вадима были чётки со ста восьмью засохшими горошинами, когда тот увлекался буддизмом и хотел остриться налысо.

Номер 1569 оказался из числа тех деталей, которые Вадим запоминал намеренно и аккуратно, складывая их в глубины памяти, как редкие марки. На рейсе 1569 они с родителями прилетели из аэропорта Минеральных Вод, когда переселялись в Москву. Почему Поповой понадобилось искать такую странную информацию, Вадим не хотел даже задумываться.

Но только число 29 не вызывало стойких ассоциаций у Вадима. Похоже на дату, но какой месяц? Может быть, февраль високосного года? Но у Вадима не было специально отложено в памяти ничего, касаемо високосных годов.

– И что ты от меня хочешь? – спросил Вадим у пустоты. – Чтобы я выбрал?

Подойдя к ближайшей двери в номером 45334533, Вадим нажал на ручку, и дверь открылась. За ней он вновь оказалась чёрная пустота, и парень её захлопнул. Вадим не был уверен, что ему сюда.

– И куда мне идти, чтобы... – начал Вадим, но услышал, что его голос звучит слишком жалко. – К чёрту тебя!

Не оставляя себе времени для сомнений, Вадим выбрал единственное незнакомое число 29 и толкнул упрямую дверь вперёд, помогая коленом.

Она тут же захлопнулась за ним, и Вадим оказался в пустоте, ещё более густой, чем раньше. Потянувшись назад, он не нащупал дверь 29, через которую прошёл. Вспышка на телефоне справлялась с чернотой всё хуже: Вадим едва различал свои руки. Он вспомнил недавно прочитанную статью, как японцы тратят миллиарды йен, пытаясь найти супер-чёрный материал, не отражающий ни фотона света. Доктор Попова как будто изобрела такой материал раньше и застелила им весь первый этаж девятиэтажки.

«Так, я пойду прямо, – решил Вадим, делая несколько размашистых шагов вперёд и не встречая преграды, но опасливо пригибаясь, – просто пойду прямо. Не обращая внимания ни на что. Спокойствие, только спокойствие».

Шёл Вадим долго, и чтобы не слушать тишину стал прокручивать в голове и напевать песни Orphaned Land – группы, играющей смесь металла и еврейской народной музыки. Добравшись до припева, парень обнаружил, что слова беспокойным образом подходят к его ситуации:

– One can easily forgive a child who is afraid of the dark / But one cannot forgive a man who is afraid of the light...

Затем же, дойдя до пятиминутного соло на электрогитаре, Вадим понял, что напеть его не получится и тут же отвлёкся на хруст под ногами. Присев, он нащупал несколько сломанных крекеров. Крекеры Вадим терпеть не мог за безобразные крошки, остающиеся на одежде, столе, диване и вообще на всём. А здесь весь пол оказался усеян поломанными полумесяцами, звёздочками, кружочками...

Подняв один из уцелевших крекеров, Вадим вдруг обнаружил себя в тускло освещённой кухне. В тесной, точь-в-точь повторяющей кухню его бабушки с дедушкой в Ессентуках. В кухне со старым советским гарнитуром, с шумным пожелтевшим холодильником, со столом из ДСП, покрытым кружевной скатертью, с фарфоровым сервизом, торжественно расставленным в стеклянной витрине. За окном должен был быть центр города – Лечебный парк. И там действительно угадывались очертания вечерних деревьев, но изображение казалось плоским, словно наклеенным на окно с обратной стороны.

– У тебя странное чувство юмора, Попова! – громко заявил Вадим, чувствуя, как пульс учащается.

Пол завалили поломанным крекером в несколько слоёв, закрывая рисунок линолеума. Обнажив ступнёр кусочек пола, Вадим заметил, что рисунок здесь не такой, как в настоящей бабушкиной квартире. Словно во сне, отличия крылись в мелких деталях.

– Вот на черта было засирать хорошую кухню?! – не выдержав, крикнул Вадим и достал из-под раковины веник с совком, который там стоял всегда.

Весь ненавистный крекер оказался в мусорном ведре за пять минут, и Вадим сел на табуретку, чувствуя, что устал, но удовлетворил тягу к порядку. Смирившись со знакомым интерьером, он достал старый эмалированный чайник за неимением электрического, зажёг газ и достал конфеты, всегда водившиеся в верхней полке гарнитура. В комодике нашлось аппетитное красное яблочко, но у Вадима не было настроения питаться правильно. Он сел пить чай с видом на лжепейзаж Лечебного парка и обнаружил, что связь на мобильном не ловится, словно на длинных переходах метро.

– Ну кто бы сомневался, – сквозь зубы сказал Вадим, убирая телефон в карман джинс.

За спиной послышался нехороший треск. Из тёмного коридора на кухню вываливались новые крекеры, а туда они падали откуда-то с потолка. Вадим не мог найти объяснения происходящему. Хруст становился сильнее, крекеропад – интенсивнее, и парень решил на всякий случай достать из шкафа большой нож для разделывания мяса, вспоминая о чудесных самодельных бабушкиных котлетах.

Куча у двери стала такой большой, что внутри поместился бы человек, и Вадиму казалось, что крекеры шевелятся. Сначала обломки печенья просто скатывались на пол, но потом они стали возвращаться наверх. Башня крекеров росла, смачно плюнув на законы гравитации.

– Твою мать, – резюмировал Вадим, когда куча печенья вытянулась до двух метров и стала выше него самого.

Вот нижняя часть кучи разделилась на две, образовав ноги. Из двух скоплений крекеров выше получились руки, а утолщение сверху напоминало голову. Движение печенья прекратилось, все обломки замерли на месте, и вернулась тишина.

– Как это, блин, устроено? – спросил Вадим у кого-то, поднимая тесак для мяса.

С минуту человек-крекер стоял неподвижно, а затем резко наклонил голову, что сопровождалось ненавистным Вадиму с детства звуком ломающегося печенья, но ещё и стократно усиленным. Затем крекер повёл плечами, согнул-разогнул руки в локтях, а потом вдруг кинулся в сторону парня, издавая хруст и скрежет.

Вадим кинулся за холодильник, и рука из печеньев пролетела мимо. Парень полоснул тесаком в сторону крекера, но тот увернулся и, вытянув руку в тонкую трёхметровую цепочку от печенья, обвинил его запястье Вадима, больно впиваясь острыми краями в кожу. Парень вырвал тесак и попытался высвободить руку, но непонятная сила держала цепко.

Существо оттеснило Вадима к стеклянному шкафу с праздничным фарфоровым сервизом. Одно неаккуратное движение локтя – и дверца разбилась, а чашки и тарелки с изображениями полуголых девушек в античном антураже полетели на пол. Парню показалось, что одна из девушек с осколка смотрела осуждающе. Он вспомнил, что сервиз был старым свадебным подарком бабушки для бабушки от их родителей.

Тут взгляд Вадима зацепился за чайник на плите. Рывком он дотянулся свободной рукой до плиты и плеснул кипятком в туловище человека-крекера. Тот сразу же выпустил Вадима, все его отвратительные части тела захрустели, а центр туловища превратился во влажный хлебный комок. Крекер потерял человеческие очертания, сложился в неровный колобок, пытаясь закрыть раненную сердцевину, и укатился в тёмный коридор. Хруст ещё долго и глухо раздавался из коридора, всё удаляясь и удаляясь.

– Твою мать, – ошарашено повторил Вадим, оставшись на кухне в одиночестве.

На руке осталась пара царапин: ничего страшного, но дольше оставаться в этом сумасшедшем доме Вадим не собирался.

Вновь вооружившись тесаком для мяса и найденным в комод старым, но мощным фонарём, Вадим вышел в мрачный коридор. Было бы логично из кухни попасть в прихожую, пройдя мимо ванной и туалета, но, разумеется, парень оказался в кромешной темноте без стен и ориентиров. Ускоряя шаг, Вадим приближался к тусклому свету лампочки Ильича, и вышел вновь на первый этаж с четырьмя подозрительно пронумерованными квартирами. Но теперь он появился со стороны другой стены.

– Это проекции или что? – Вадим стучал по бетонным стенам и не мог понять, как он появлялся из-за них.

Ещё раз взглянув на дверь 29, Вадима осенило, что это номер квартиры его бабушки с дедушкой в Ессентуках. И как он мог забыть? У парня появилось чувство, будто он провалил университетский тест, к которому готовился всю ночь...

В тёмном углу между квартирами 108 и 1569 раздался крекерный хруст. Печенье мощным потоком «лилось» с потолка, как будто извергаясь из лампочки Ильича. Внизу скаплива-

лась кучка, и, не дожидаясь появления нового человека-крекера, Вадим забежал в квартиру 45334533.

Теперь он оказался в обычном коридоре в обычной двухкомнатной квартире, где проглядывались и комната, и кухня, а тьма больше не подступала со всех сторон. Дверь на площадку захлопнулась, и крекерный хруст остался за ней. Квартиру освещали лучи закатного солнца. Вадим выключил фонарь, но продолжил крепко сжимать тесак. Квартира с простым, но современным ремонтом была Вадиму незнакома, так что он быстро осмотрел помещение. На кухне – пусто, в ванной и туалете – никого, в гостиной – пустота, в спальне...

На диване сидел, скрестив ноги, парень с ноутбуком на коленях. Его короткие волосы были окрашены в вырвиглазно-яркий красный цвет, на ушах – массивные чёрные наушники. На растрёпанного, потного Вадима с огромным ножом в руке он не обратил ни капли внимания, а продолжил неторопливо кликать мышкой.

– Эй, алло! – Вадим сорвал наушники с головы парня, а тот совершенно спокойно посмотрел на него сонно-безразличными глазами.

– Вы кто? – спросил незнакомец.

– Это вы кто? – Вадим наставил тесак на парня.

– Эх-ох, – покачал тот головой, закрыл ноутбук и положил рядом с собой. – Новенький, чтолича?

– В каком смысле?

– Как сюда попал, уважаемый? – незнакомец закатал рукава фиолетовой в клетку рубашки и привёл в порядок красные волосы.

– Через дверь, блин, представляешь! За которой бегают херня из крекера! Ты работаешь на Попову?

– Так, расслабляемся, – незнакомец встал перед Вадимом, оказавшись на две головы ниже, то есть среднего человеческого роста. – Знаешь, монахи в буддийских монастырях контролируют пульс, контролируя дыхание. Давай: вдох-выдох, вдох-выдох... Кстати, я Хрущёв.

Незнакомец протянул руку, и Вадим на автомате ответил на крепкое рукопожатие.

– Хрущёв? – переспросил Вадим.

Незнакомец сложил пальцы и громко прохрустел каждым суставом. Потом хрустнул шеей, плечами, спиной и коленями, не отрывая пристального взгляда от Вадима.

– Вопрос отпал. Я Вадим. Ты кто, Хрущёв, и что здесь делаешь?

– Я здесь живу на секундочку. А вот как ты здесь очутился – загадка. На двери было «сорок пять, тридцать три, сорок пять, тридцать три»?

– Да. Ты работаешь на Попову? Что за хрень?

– Я советую тебе успокоиться, – Хрущёв снова глубоко вдохнул и выдохнул. – Вспомни, что ты мост от человека к сверхчеловеку и преодолей страхи и желания.

– Я спросил. Ты. Работаешь. На. Попову? – Вадим снова направил тесак в сторону Хрущёва. Раньше ему не доводилось угрожать людям: когда работаешь аналитиком в мелкой консалтинговой фирме, а вечера проводишь дома, редко встречаешься с настоящей опасностью. Разве что иногда устраиваешь её себе в постели... Но сегодня обстоятельства складывались исключительным образом.

– Я не знаю. Кто. Такая. Попова, – спокойно ответил Хрущёв, скрестив руки на груди. – Предлагаю выпить.

Они пришли в простую кухню с облупленным столом и потёртым коричневым угловым диваном, откуда открывался вид на плоский пейзаж вечернего города через пластиковые окна с щелями, забитыми утеплителем. Хрущёв извлёк из холодильника бутылку дешёвого виски и полупустую бутылку колы. Вадим брезгливо убрал грязную посуду со стола и положил салфетку перед собой.

– Я убираюсь, между прочим – хмыкнул Хрущёв.

Он разлил виски в гранёные стаканы, долил себе колы до краёв, отдал бутылку Вадиму. Тот, не глядя в стакан и не отрывая взгляда от странного вида из окна, налил себе на половину.

– Ты, главное, расслабься, – улыбнулся Хрущёв, отхлёбывая.

– Прекрати это повторять, – огрызнулся Вадим. – Просто объясни, где я и что происходит.

– Был у меня закадычный товарищ, с которым мы в Питере по притонам ходили. Эх, прошли времена... – Хрущёв мечтательно закатил глаза. – Так он говорил: любой непроработанный гештальт тебя достанет рано или поздно... Припоминается мне забавный случай. Собирался я ехать из Ленинграда, где давеча жила, в столицу нашей родины. Да вот незадача – закутили с вышеупомянутым знакомцем в одном чудном местечке. Барышни, выпивка, всё как полагается...

– Ты, блин, о чём вообще? – Вадим крепко сжал стакан в руке, желая вылить его на голову Хрущёва. – Какая связь с ситуацией, чувак? Что за гештальты?

– Обо всём по порядку. Мы дивно посидели в баре на Невском. Настолько дивно, что ноги меня не держали, как марксистско-ленинские идеи не держали Советский Союз в девяностых. Эх-ох, увлекался я давеча коммунизмом... Словом, вышел я из бара, дошёл до Московского вокзала, а зима стояла под минус тридцать. Я чувствую: зябко. Товарищ спрашивает: «Хрущёв, где твоя куртка?» Я – бац-бац-бац – себя шупаю, а куртки, правда, нет. Так быстро по Невскому я не припускался, что за полчаса до поезда успел обернуться от вокзала почти до Анечкиного моста и обратно...

– Ближе к телу, – перебил Вадим.

– Ты куда не торопишься, поверь мне, – улыбнулся Хрущёв, подливая обоим виски. – Так вот, успел я на поезд вместе с достопамятной курткой. Приезжаю в Москву на утро, а через пару часов уже на работку топать. Эх-ох, думаю, придётся сразу катить на Речной вокзал. Отработал кое-как день в офисе, да потом отправился интеллигентно отдыхать к знакомцам, неподалёку живущим. Снова выпили, разумеется, да пошли гулять... А потом я оказался внутри.

– Внутри чего? – встрепнулся Вадим.

– Хотел бы я знать ответ, – пожал плечами Хрущёв. – Оказался здесь. Пока я существую в декартовском смысле, мне этих координат достаточно.

– Слушай, чувак, – Вадим громко поставил стакан на стол, – ты мне конкретно ответишь: что здесь...

– Да ну тебя, как скучно! Конкретно ответить! Здесь напряжённые отношения с конкретикой. Поэтому мне нравится тут, скажем так, жить.

– Ещё раз: ты работаешь на Попову?

– Да что же за легендарная Попова?

Вадим вкратце описал, как очутился здесь. В процессе ему стали слышаться знакомые похрустывания. И вряд ли это были суставы Хрущёва.

– Забавно, – резюмировал Хрущёв, выслушав. – Кто-то здесь тоже попадал от психоаналитика.

– Кто-то? Сколько здесь живёт людей?

– Сложно сказать. Да и я хикканю у себя и обычно не общаюсь с прочими. Увы и ах, не всем повезло иметь личный уголок, как мне.

– Как ты нашёл эту квартиру? Почему «сорок пять, тридцать три, сорок пять, тридцать три»? На тебя нападала хрень из печенья? Ты проходил через огромные тёмные помещения? Как устроен этот этаж?

Хрущёв уже было открыл рот, чтобы ответить, как входная дверь с грохотом ввалилась внутрь коридора, сорванная с петель. Крекерный хруст заполнил коридор, и на полу появилась куча поломанного печенья, складывающаяся в огромную змею. Даже в бассейне Амазонки вряд ли водились такие анаконды.

– Однако! – весело хлопнул Хрущёв в ладоши. – Такого я ещё не встречал! Куда ты заходил?

– В квартиру э-э-э... бабушки.

– Оно кусается?

– Ещё как.

Вадим обнаружил, что забыл тесак в комнате, но в прошлый раз тот всё равно оказался бесполезен. Горячей жидкости поблизости не было, только лишь остатки колы.

– Я знаю, как его... – начал Вадим, но Хрущёв уже подошёл вплотную к крекерной анаконде и попытался погладить. – Хрущёв, ты debil?

– Она только тебя не любит, – он аккуратно коснулся «кожи» змеи, и та замерла. Подумав, она подалась к Хрущёву и потёрлась головой о его ноги. – Смотри, какая она славная!

– Чувак, осторожнее... – Вадим, пользуясь паузой, наполнил двухлитровую бутылку из-под дешёвого пива горячей водой из-под крана.

– Она безобидна, – змея закручивалась вокруг стоп Хрущёва, – я бы назвал её Марией Кюри.

Вадим закатил глаза. Он набрал ещё одну бутылку и аккуратно подобрался к анаконде, пока она ласкалась у ног другого парня.

– Ты чего? – удивился Хрущёв, видя, как Вадим прицеливается бутылкой. – Она ничего не делает.

– Она мне чуть руку не оторвала! – громко прошептал Вадим. – Эта хрень опасная!

– Да ладно тебе! – Хрущёв махнул рукой, и его запястье издало громкий треск.

От хруста костей крекерная анаконда замерла и повела головой, словно приносящаяся. Хрущёв радостно улыбнулся и показал, что собирается хрустнуть другим запястьем. Вадим замахал ему руками и беззвучно заорал «НЕ НАДО!», но тот не удержался и потряхнул ладонью.

Спустя секунду анаконда распалась на отдельные крекеры и собралась в человеческую фигуру, такую же, какая атаковала Вадима в эссентукской лжеквартире. Вадим попытался плеснуть в неё из бутылки, но из узкого горлышка вода выходила толчками, и крекер уворачивался. Существо боком кинулось на Хрущёва и ударило головой, до крови впившись острыми краями в шею и щёку парня. Вадим вылил уже всю воду и стал просто бить крекер бутылками, но существо отобрало их и «выплюнуло» изо рта несколько печеньев, впившихся в лицо Вадима.

Крекер замахнулся рукой ударить Хрущёва, но тот оторвался от головы существа, ловко пригнулся и пнул существо по ноге. Хрущёв разбивал руки в кровь, ударяя крекер по рукам и голове, пока оно «плевалось», оставляя раны парню по всему телу.

Вадим воспользовался тем, что существо отвлеклось на Хрущёва, и сбегал за водой, на этот раз набрав её в кастрюлю. Вернувшись, он обнаружил, что крекерный монстр повалил Хрущёва на пол, и только красная макушка виднелась из-под печеньевого завала. Вадим перевернул кастрюлю на спину существа, и то стало извиваться и отползать от Хрущёва, оседая на полу мокрым комком.

– Добрее надо быть, – сказал Хрущёв, коленом ударяя крекер в условную грудь.

Вадим помог подняться новому знакомому и понял, что они оба в крови.

– Опять убираться, эх-ох, – покачал головой Хрущёв, глядя на бардак из мокрых комков печенья в коридоре.

Но тут с потолка из-за люстры в прихожей стали падать новые крекеры. Вадим стал поливать их новыми порциями горячей воды, но их поток усиливался.

– Надо уходить! – крикнул Вадим, отступая к двери.

– В смысле уходить? Я здесь живу!

– Здесь же напряжённые отношения с конкретикой, – припомнил Вадим, – поэтому у тебя нет конкретного места жительства!

– Вот зараза.

Хрущёв оценил масштаб бедствия: половина коридора уже по колено была завалена крекером, и что-то внутри кучи печенья начинало шевелиться. Это что-то обещало стать более крупным существом, чем человек-крекер или анаконда.

– Ладно, валим, – решил Хрущёв.

Он захватил из комнаты ноутбук с наушниками, и парни захлопнули за собой дверь квартиры номер 45334533.

3

Теперь, когда Вадим с Хрущёвым вышли из квартиры, оказалось, что 45334533 и 26 квартиры отделены от лифта и двух других соседей железной дверью. Вадим навалился на неё, но та не поддавалась. Тогда Хрущёв легко нажал на ручку, и вот два парня уже были у лифта. Площадка казалась слишком тихой, а вместо лестницы вверх, к мусоропроводу и второму этажу, стояла густая темнота.

– Нахрен валим отсюда, – сказал Вадим, сбегая по лестнице к выходу из подъезда.

Но в тамбуре у лестницы не горела лампочка, и сама дверь терялась во мраке. Вадим замер. Он был уверен, что если попытается выйти из подъезда, то снова окажется в непредсказуемой мгле, которая перенесёт его чёрт знает куда.

– Я бы не советовал, – добавил Хрущёв. – Не нравится мне это, но поехали на второй этаж.

– А лифт работает? – с подозрением спросил Вадим, глядя на спящие железные двери с облупившейся обшивкой будто из старого линолеума.

– Обычно да, – пожал плечами Хрущёв.

Он нажал на кнопку, и внутри шахты задрезжали механизмы. Стук, треск и завывания, совсем не свойственные работе лифтов, дополняли тихие звуки музыки.

– Сегодня Вагнер, – прислушавшись, заметил Хрущёв.

– Какой Вагнер, это старики Доре, – сказал Вадим, услышав знакомый ню-метал американцев.

– Вот в душе не люблю, кто это, – закатил глаза Хрущёв.

Лифт изнутри выглядел обыкновенно. Разве что, когда Хрущёв нажал на кнопку второго этажа, тот начал кряхтеть и потрясываться. Закрывшись и хрюкнув, лифт со скрипом пошёл наверх.

– Почему не выше? – спросил Вадим.

– Я только на второй хаживаю, – Хрущёв повесил массивные чёрные наушники на шею, и теперь они нелепо болтались, как начищенная хрустальная люстра посреди старой квартиры с ободранными обоями. – Что на последних этажах – и не знаю. Даром, что наше население концентрируется на средних этажах, а вверх и вниз – по Гауссовому распределению.

Хрущёв в воздухе очертил параболические очертания графика нормального распределения Гаусса, а Вадим, хоть и разбирался в вышмате, не понял, к чему Хрущёв выпендривался.

– У тебя правда фамилия Хрущёв? – спросил Вадим, заметив, что у нового знакомого не только волосы, но и брови окрашены в красный.

– Нет, конечно, – махнул рукой тот. – Но вот скольких Хрущёвых ты знаешь?

– Ровно одного. Кроме тебя.

– Вот! – развёл руками Хрущёв, будто этим всё объяснилось.

– Почему так долго едем? – удивился Вадим, не ощущая, чтобы лифт собирался останавливаться.

– Время – не конкретное понятие.

Наконец, они куда-то приехали, и двери медленно открылись. Хрустнув парой суставов, Хрущёв вышел первым, осмотрелся и жестом поманил Вадима.

– Знакомые места. Кажется, я бывал туточа.

Странно, но они оказались на этаже с явно другой планировкой. Если в обычной девятиэтажке ты приезжаешь на крохотную площадку, и по правую и левую руку от тебя располагаются по две квартиры, то здесь они оказались в просторном холле. Справа – тёмное окно у мусоропровода, слева – железная дверь. Такая же планировка была в современном семнадцатизэтажном доме, в котором Вадим снимал квартиру. Вот только не хватало грузового лифта.

– Что за чёрт? – нахмурился Вадим, озираясь и осматривая серые заплёванные стены, исписанные неприличными граффити.

Они подошли к закрытой двери с жёлтой буквой «Я», неровно нарисованной краской. Хрущёв легко открыл железную дверь, за которой оказался светлый этаж с четырьмя квартирами, расположенными, как в современных, отнюдь не девятиэтажных домах. Двери вновь оказались странно пронумерованными: 15/17, 399, 78, 144. На этот раз у Вадима не было ни одной ассоциации.

– Крекер – ну что за детский сад? – хмыкнул Хрущёв. – Сейчас ты свидишься с настоящими монстрами.

По спине Вадима пробежал холодок, но он не подал виду. Хрущёв пробежался глазами по дверям, что-то прикинул в уме, загибая пальцы, и направился к 144 номеру.

– Меньшее из зол, – резюмировал тот, толкая дверь.

Внутри однушки, напоминающей захваченную крекером квартиру Хрущёва, слышались голоса людей. Зайдя, Хрущёв привычно кинул ноутбук в прихожей, достал тапки из завала обуви в углу, кинул пару Вадиму и понуро побрёл в тускло освещённую комнату. Вадим первым делом забежал на пустую кухню, откуда увидел плоский пейзаж незнакомого города. Или знакомого... Присмотревшись, Вадим заметил клык недостроенного небоскрёба «Лахта центр», переливающийся купол Исаакиевского собора, иглу Петропавловского и опознал Санкт-Петербург.

– Дорогуша! – закричал женский голос в комнате. – Слава богу, ты пришёл!

– Отстань, – послышался голос Хрущёва.

Вадим понял, что остался без тесака для мяса, но зато он нашёл на кухне новый острый нож длиной сантиметров тридцать. Тихо подобравшись к комнате, он прислушался к разговору.

– Ты снова меня оставил одну, дорогуша, – капризным голосом говорила женщина.

– Ты здесь не одна, – отвечал Хрущёв.

– Они не считаются.

Послышался шорох, шаги, мужской и женский смех, звуки стеклянных бутылок, будто кто-то полгода их складировал под кроватью, а теперь решил наиграть мелодию.

– Эй, отвяжитесь! – крикнул Хрущёв, и что-то упало.

Вадим ворвался в комнату, и увидел, как три тёмные фигуры – будто сконцентрированные тени, внутри которых перекачивались клубы тёмного дыма – повалили Хрущёва на пол и пытаются стащить рубашку.

– Я же так соскучилась по тебе! – женским голосом прокричала одна из теней.

Не давая себе анализировать происходящее, Вадим воткнул нож в одну из теней, а тот словно вошёл в мягкое масло, намазанное на горячий тост. Тень издала визг, а Хрущёв схватил Вадима за руку.

– Придурок, убери нож! Это мои друзья!

Вадим, опешив, отошёл, а две тени помогли подняться Хрущёву и раненному товарищу. Тени, хоть и имели человеческие очертания, но отличить одну от другой было невозможно.

– Друзья? – переспросил Вадим.

– Ну призраки моих ленинградских друзей, – покачал головой Хрущёв. – Или ментальные проекции. Или массовые галлюцинации. Или сгустки пассионарной энергии биосферы Земли. Я признаю: туповат, чтобы разобраться, как они работают. Но я зову их полунастоящими знакомцами. Или коротко – гештальтами.

– Ага, – с офигением ответил Вадим.

– Принёс что-нибудь? – спросила одна тень мужским голосом.

– Нет, – со вздохом ответил Хрущёв.

– Хоть пару марок, – присоединилась раненая тень женским голосом. Никаких следов от ножа, до рукоятки вошедшего в сумрачную плоть тени, не осталось, и сама она даже не обратила внимания на произошедшее.

– Ничего нет, я завязал с вещами и вашими притонами, – отвечал Хрущёв.

– Ну дорогуша! Почему! Мы же ждали! – в разнобой жаловались три голоса.

– Я уехал из Питера, чтобы избавиться от вас. Если бы не Маша, закончил бы, как каждый из вас.

– Дорогуша, ты говоришь так, как будто мы умерли! – рассмеялся женский голос.

– Физически, насколько я проинформирован, ещё нет, – покачал головой Хрущёв, – но морально – тысячу лет назад.

Тени рассмеялись и о чём-то зашептались между собой.

– Лучше посиди на кухне, – шепнул Хрущёв Вадиму. – Пока что они спокойные и, надеюсь, быстро уснут.

На кухне Вадим снова проверил связь на мобильном – без изменений глухо. Плоский Питер за окном становился темнее: вечерело, хотя по ощущениям Вадима уже должна была пройти ночь и наступать рассвет.

«Стоп, а зачем Хрущёву нужен был ноутбук без интернета?» – подумал Вадим и на цыпочках кинулся в прихожую, думая, что в их обстоятельствах залезть в чужой компьютер допустимо.

– Что это ты удумал? – раздался незнакомый мужской голос за спиной Вадима, принадлежащей одной из теней.

– Не твоё дело, – Вадим от напряжения выпрямил обычно сгорбленную спину.

– Дорогуша, тут вор! – крикнула тень в комнату и схватила Вадима за шею.

– Да я же... ничего... – Вадим вцепился ладонями в руки тени, но те сжимались не по-человечески сильно.

– Петя, отпусти его, – спокойно сказал Хрущёв, – он ничего не сделал.

Тень хмыкнула и швырнула Вадима в угол так, что тот ударился головой об стену, и в глазах потемнело, а звуки мира на секунду пропали. Помогая ему подняться, Хрущёв прошептал:

– Идиот, я сказал тебе сидеть тихо! Ты не знаешь, на что они способны!

– Зачем тебе ноутбук? У тебя есть интернет? – прошептал Вадим, не отпуская Хрущёва, который рвался вернуться в комнату к теням.

– Ну, вроде как есть.

– Вроде как? – чуть не крикнул Вадим. – Ты просил о помощи? Пытался выбраться?

– Ш-ш-ш! – Хрущёв приложил палец к губам Вадима, хрустнув суставами. – Короче, вай-фай ловится в некоторых квартирах, но его хватает ровно настолько, чтобы погамать в Лолку. Но не получается отправлять в чат никакие сообщения, кроме стандартных.

– Ты пытался снять... не знаю, ограничение с локальной сети? – спросил Вадим, совершенно в этом не разбирающийся.

– Эх-ох, конечно, пытался: я в этом шарю и занимался профессионально. Бесполезно. Отпусти.

Хрущёв вернулся в комнату, тени снова обрушились на него, повалив на пол, и начали орать русские попсовые песни.

Вадим с детства усвоил, что после любого потрясения стоит поспать, и станет легче. Поняв, что сейчас он максимально потрясён, однако ничего изменить не в силах, Вадим решил вспомнить не так давно ушедшие студенческие времена и поспать в ванной. На кухне валялась пара подушек, и Вадим расположился в чугунной ванне, холодной, но успокаивающей: горячий июльский воздух проникал везде.

С течением времени Вадим научился засыпать в любых обстоятельствах, и сейчас организм его тоже не подвёл. Однако пробуждение оказалось внезапным: на него сверху навалилось две тени и вышибли воздух из лёгких.

– Здесь кто-то есть, – заметила тень женским голосом, трогая в темноте Вадима цепкими полужидкими пальцами.

– Тебе кажется, – ответил мужской голос.

Судя по звукам, тени начали целоваться. Вадим ухватился за борты ванной, чтобы выбраться, но тела навалились на него, не обращая внимания. Парень попытался привстать, но получил призрачной рукой по голове, когда тела будто решили снять одежды, хотя какие части теней были одеждой, а какие – плотью, казалось загадкой.

– Мне что-то мешает, – сказал женский голос, и её локоть попал Вадиму между рёбер, но тот стоически сдержался и промолчал, до полусмерти напуганный непонятными существами.

– Ты сейчас отвлечёшься, – пообещал мужской голос, и Вадим почувствовал резкий толчок, затем услышал женский вздох.

«Капец, лучше бы они меня убили», – подумал Вадим и предпринял ещё одну безуспешную попытку вылезти.

Сначала Вадим пытался стоически следовать совету Хрущёва и не выдавать себя, пока тени сами не закончат и не уйдут, но через пару минут характер Вадима взял своё, и парень мощным ударом колена сбросил с себя невидимые в темноте тела.

– А ну отвязались от меня, суки! – заорал он. – Ещё раз подойдёте, придушу!

– Боже, откуда голос? – спросила женская тень.

– Ты что-то слышала? – хмыкнул мужской голос. – Я ничего. Но здесь слишком неудобно, идём на кухню.

– И валите! – прикрикнул Вадим.

– А если нас это... заметят? – засомневалась девушка, не обращая внимания на него.

– Так даже интереснее, – пообещал с улыбкой мужской голос.

Тени убежали из ванной, а Вадим, решив, что прятаться бесполезно, пошёл в комнату.

Интерьер сильно изменился. На полу появились пустые бутылки из-под алкоголя разной степени тяжести. В центре комнаты валялась массивная каменная пепельница, полная окурков и ещё дымящихся самокруток, от которых откровенно пахло кислой марихуаной. На диване были разбросаны шприцы, резиновые перчатки для рук и использованные презервативы.

Но ещё на полу лежал Хрущёв, прижатый к потёртому ламинату массивным сгустком тени. Кажется, это была та тень, которая чуть не убила Вадима, приложив головой о стену. Две другие тени – то ли те же, что были в ванной, то ли новые – сидели рядом и курили одну самокрутку на двоих, спокойно наблюдая, как красноволосый парень тихо скулил. Подойдя ближе, Вадим увидел, что Хрущёв ещё и полураздет...

– Твари, вы что творите?! – закричал Вадим, хватаясь за нож в кармане.

Две курящие тени даже не повернулись, а вот большая тень остановилась, встала с Хрущёва, медленно развернулась к Вадиму, и тот увидел раскрывшиеся чёрные провалы глазниц.

– Пошёл отсюда, – сказала тень.

– Отпусти его, – ответил Вадим, направляя нож вперёд.

– Это его место, – добавила тень, наступая на спину Хрущёва с полузатронутой рубашкой. – Он знал, куда шёл. Если уйдёшь сейчас, я тебя не трону. Твоё место на другом этаже.

– Мне плевать, что ты несёшь, – Вадим приближался к тени. – Отпустил его, сука, быстро!

Призрак хмыкнул и пнул лежащего парня, который уже не пытался сопротивляться.

– Хрущёв, вставай! – крикнул Вадим.

– Я сказал тебе сидеть смирно... – почти шёпотом проговорил Хрущёв, не поднимая головы. – Отсидись до утра, и всё закончится.

– Нет! – покачал головой Вадим и расправил сутулые плечи, чувствуя прилив адреналина и ощущая, что впервые в жизни выпал шанс сказать эпичную фразу из экшн-фильма, – Я без тебя не уйду.

– Дебил, – резюмировал Хрущёв.

Тень бросилась на Вадима, но тот успел увернуться и воткнуть нож в плечо нападавшему. Призрак не отреагировал и как пушинку перекинул Вадима через бедро профессиональным борцовским движением. Курящие тени захихикали.

– Хрущёв, убегай! – крикнул Вадим и вцепился в ногу тени.

Призрак стал трясти ногой, пытаясь стряхнуть Вадима, но тот воткнул нож тени в район колена, и неясная фигура, покачнувшись, упала на диван со шприцами. Краем глаза парень заметил, что Хрущёв выползает из комнаты, похрустывая костями.

Тёмная фигура легко схватила горшок с кактусом и метнула в Вадима. Растение пролетело мимо, но пара колючек оцарапала ухо парня. Вадим с трудом поднял тяжёлую пепельницу и, не целясь, удачно попал в лицо призрака. Один бычок жутковато попал в глазницу тени и исчез внутри.

– Я открыл дверь! – крикнул Хрущёв из прихожей, как будто это было достижение.

Вадим ломанулся на выход, где Хрущёв на полусогнутых ногах держал дверь открытой. Чувствуя, как рука нагоняющей тени вот-вот дотянется до его шеи, Вадим вылетел из двери, и та, словно притягиваемая огромным портовым магнитом, громко захлопнулась, выключая крики призрака.

– Оно не выйдет сюда? – задыхаясь, спросил Вадим, слыша только тишину.

– Не должно, – ответил Хрущёв, приводя одежду в порядок, а, подумав, добавил. – Не сразу.

– Что это за хрень была? Что они с тобой делали?

– Ты сам видел, – не поднимая глаз, сказал Хрущёв. – Неотработанные гештальты молодости.

– Чего? Да что вообще происходит? Тени были... олицетворением твоих страхов? Как был у меня крекер? Но, блин, мой монстр был больше рофловый, чем страшный. Хотя рана осталась, да.

– Потому что твой монстр был на первом этаже, а мы сейчас – на втором. Масштаб гештальтов варьируется, знаешь ли.

– И что будет выше? – злился Вадим тому, что всё не мог выбить объяснения из Хрущёва. Если бы тот не выглядел смертельно измученным, Вадим бы ему врезал.

– Сходи посмотри, – предложил Хрущёв, кивнув головой в сторону лифтов за железной дверью и хрустнув шеей.

– А ты?

– Я чувствую, что ещё не готов попрощаться с прошлым, – сказал Хрущёв, смотря на дверь, из которой они вышли.

– Ты собираешься вернуться туда? Ты идиот, Хрущёв?

– Возможно, – весело пожал плечами он. – Но, как говорил Франсуа де Ларошфуко, бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только глупость.

Пробежавшись глазами по номерам других квартир, Вадим остановился на номере 399 и спросил:

– Все квартиры здесь с твоими, как ты выражаешься, гештальтами?

– Они могут быть и твоими.

– Я хочу заглянуть в 399. Ты со мной?

Хрущёв взглянул на 144 квартиру-притон и, подумав, сказал:

– Да. Эх-ох, развеюсь напоследок.

4

Квартира Аниных родителей не изменилась: позолоченная мебель с краской, полускрывающей потрескавшееся дерево, пыльные электросвечи в настенных канделябрах, семейные фотографии в рамах, заслуживающих место в Третьяковской галерее. Шик и блеск помещения, обставленного отцом Ани, «новым русским», навсегда оставшимся жить в девяностых.

– Пародия на Версаль? – хмыкнул Хрущёв, рассматривая лепнину на потолке вокруг люстры из муранского стекла.

Трёхкомнатное жильё в хорошем районе Эссентуков само по себе было роскошью, но особый блеск в воспоминаниях Вадима оставило не сусальное золото, узорами покрывающее импортный унитаз, а Аня – его одноклассница, с которой в этой квартире они впервые остались наедине.

– Это твоя квартира? – спросил Хрущёв.

– Нет, квартира моей первой девушки.

– А моей первой любви ты имел честь быть представленным в прошлой квартире.

Вадим намеревался спросить, кого из трёх теней следовало подставить в категорию «первой любви», но решил, что это будет слишком грубо.

– В каждой квартире какая-то подстава? – спросил Вадим, уже привычно достав нож из кармана и осмотрев все помещения: пусто.

– В общем и целом, да, – честно ответил Хрущёв. – Что у нас по бару?

Вадим помнил, что отец Ани много и часто выпивал, так что на кухне нашёлся буфет с выбором из сотни разных напитков. Хрущёв, почти не глядя, схватил водку и отхлебнул несколько смачных глотков из горла. Вадим же боялся напиваться и выпил простой воды.

– Набоков вывел трёхсложную формулу человеческой жизни, – сказал Хрущёв, сев в кресло и не выпуская бутылку водки из рук, – невозвратность прошлого, ненасытность настоящего и непредсказуемость будущего... Говоря о непредсказуемости: я был уверен, что квартира 399 будет касаться того, что в Литве купил свою первую марку за три евро и девяносто девять центов. Эх-ох, а здесь всего-то квартира твоей бывшей.

Вадиму резануло слово «бывшая» ухо. Они расстались, потому что отец перевёз Анну в другой город, и первое время влюблённые поддерживали отношения на расстоянии, но с глаз долой – из сердца вон, и Аня отвечала на сообщения и звонки Вадима всё реже и реже. Они не говорили о расставании, не ссорились, не устраивали сцен. Просто однажды Вадиму наскучило унижаться и пытаться достучаться до охладевшего сердца девушки. Он перестал писать и звонить, а она не заметила.

– Сколько у нас есть времени, пока не произойдёт очередной Армагеддон? – спросил Вадим.

– Я повторяю: ничего конкретного, – пожал плечами Хрущёв. – Плыви по течению, как лепесток сакуры, упавший на реку жизни...

Закатив глаза, Вадим прошёлся по квартире. Вон она – комната Ани, где они впервые узнали друг друга, как влюблённая пара. Кажется, это случилось на прошлой неделе... Светлые волосы девушки разметались по подушке, её руки крепко сжимали шею Вадима, притягивая ближе, навстречу первому неловкому поцелую, где они обречены были стукнуться зубами и неловко рассмеяться перед новой попыткой проявить нежность.

Он сел на кровать, покрытую розовым покрывалом, и вспомнил, как она скрипела, и как Вадим боялся, что за скрипом пружин не услышит звук открывающейся двери и шагов отца Ани.

Расценив, что квартира хоть и Анина, но не вполне, Вадим решил, что не будет аморальным порыться в шкафах и полках бывшей возлюбленной. Книжки-ужастики, страшно попу-

лярные во времена их детства и отрочества, хранились на рабочем столе вперемежку со школьными учебниками и тетрадями. Наброски наивных рисунков Ани, некоторыми из которых оказались портреты Вадима, перемежались тонкими тетрадками с надписями «Личный дневник» и «Не читать». Открыв одну из тетрадей, Вадим обнаружил, что та абсолютно пуста. Со второй приключилось то же самое, и с третьей, и с четвертой. А вот в пятой – где-то в середине тетради – нашлась одна-единственная запись:

«Анне часто думалось, что каждый человек – паззл из привычек, увлечений и воспоминаний, оставленных другими людьми. От матери она получила лёгкий украинский акцент. От отца – привычку мыть яблоки с мылом. От старшей сестры – умение ровно выводить стрелки на часах. От первой подруги во втором классе – увлечение Гарри Поттером. От первой любви Димы в третьем классе – умение не показывать свои чувства. От репетитора по фортепиано Галины Васильевны – привычку приговаривать «Так-так-с», когда задумывается. От первого парня Вадима – привычку курить. От подруги Риты – увлечение баскетболом и комиксами. И далее, и далее...

Так-так-с, но что же сама Анна оставляла в жизнях людей? Расставаясь с друзьями и любимыми, она чувствовала, что сохраняет частички их душ: браслет, сплетённый своими руками, песню в плейлисте, книгу на полке, харизматичные жесты. Получали ли остальные хоть что-то от неё взамен драгоценных мелодий и слов-паразитов? Едва ли».

Вадима почти не смутило отстранённое повествование от третьего лица и манера речи, совершенно не свойственная лёгкой и весёлой Ане. Он сел на кровать, чувствуя, как кровь бьёт по вискам, а подмышками выступает пот.

«Что за Дима в третьем классе? – с дикой ревностью подумал он, будто они с Аней продолжали встречаться и любить друг друга, как в девятом классе. – И неужели единственное, что осталось Ане от меня – привычка курить?.. Вот уж кто прошёл по жизни бесследно – это я, а уж точно не Аня».

Парень подумал, сколько же чудесных вещей Аня оставила в его жизни. Она так красиво пела, что Вадиму захотелось научиться музыке, и он купил гитару, надеясь выучить Анину любимую песню, но та ушла прежде, чем он запомнил аккорды. Аня научила его целоваться, и от неё так вкусно пахло, что Вадиму хотелось обнимать и обнимать её, хотя раньше он боялся просто касаться людей. Пожалуй, именно Аня разбила скорлупу, отделяющую сначала нелюбимого Вадима от внешнего мира. Она показала ему Вселенную, пока сама думала, что не стоила двух слов-паразитов репетитора...

«Стоп, – подумал Вадим. – Откуда я могу знать, что это настоящие дневники Ани? Подстроила ли и это Попова? Блин, или это галлюцинации, о которых говорил Хрущёв...»

На полке у кровати стояла розовая рамка со старой фотографией Ани – какой она была в девятом классе и какой навсегда останется в светлых воспоминаниях Вадима, омрачённых тёмными каплями из разбитого сердца.

– Долго ты там? – послышался голос из соседней комнаты.

Вадим подумал, что это Хрущёв звал выпивать, но вдруг понял, что голос принадлежал другому человеку. Человеку из полупотерянных воспоминаний.

– Я уже забил тебе, – добавил голос.

Поняв, что речь идёт о трубке, Вадим почувствовал, как ужасно хотелось курить. Он вышел от Ани, но попал не в коридор, а в другую комнату, совершенно точно не находившуюся в квартире Аниных родителей.

Эту комнату Вадим старался не вспоминать. Односпальную кровать завалили вещами: грязной одеждой, пропитанными вонью тряпками, порванными газетами... На полу продолжалась свалка из недоеденных бутербродов, открытых пачек чипсов и жестяных пивных банок. На зашторенном окне росла конопля, а рядом валялся отвёрнутый от стекла фотоаппарат с разбитым объективом.

– Держи, – произнесли из тёмного угла комнаты.

Эльдар протянул Вадиму трубку. Низкий парень с аккуратно подстриженной иссиня-чёрной бородой и аккуратно уложенными осветлёнными волосами уселся на офисный стул с колёсиками, забросил ноги на стол с ноутбуком и элегантно зажёл трубку длинной спичкой, какие обычно используют для мангалов.

– Ты... в порядке? – спросил Вадим.

– Сейчас покурим, и буду в порядке, – с как всегда доброй улыбкой ответил Эльдар.

Вадим, не думая, нашёл зажигалку в кармане и закурил. Эльдар забил трубку как всегда плотно. Слишком плотно на вкус Вадима, выкуривающего пару сигарет в день, в отличие от Эльдара, который дымил две пачки сигарет в день плюс штук десять трубок да столько же самокруток.

– Ты всегда шутил, что умрёшь от рака лёгких, – вспомнил Вадим, делая глубокую затяжку.

– Я не шутил.

– Но умер от другого, – Вадим наполнил терпким дымом лёгкие до краёв и ощутил, как табак сжал горло.

– Со всяким может случиться, – безразлично пожал плечами Эльдар.

– Не каждый до смерти душит себя ремнём после вписки на съёмной квартире, – Вадим вспоминал фотографии этой самой комнаты с телом Эльдара на кровати.

– Немного не рассчитал... – покачал головой Эльдар, будто речь шла о том, что в магазине его обсчитали на сотню грамм развесных полуфабрикатов.

– Что не рассчитал?

– ... но умереть во время оргазма – мечта многих.

– Э-э-э, что? – Вадим на автомате продолжал раскуривать сигарету и затягиваться.

– А, мои друзья не показали тебе самые интересные фотографии? Те, где видно, что я кончил перед смертью?

– Ты умер, потому что дрович с ремнём на шее? – округлил глаза Вадим. – Это было не самоубийство, как утверждали твои сомнительные друзья со вписки?

– Ты тоже мой сомнительный друг со вписки.

– На той меня не было! – Вадим стукнул кулаком по столу. – Иначе бы я не допустил твоей смерти, как наркоманы, в которыми ты тусовался! Я с тобой общался после универа, из которого тебя кикнули, только из жалости и из-за... не знаю, ответственности. Из-за надежды, что ты изменишься. Я думал, ты умер от отчаяния, что не можешь изменить свою жизнь, что не можешь победить зависимость... Это было ужасно, я чуть с ума не сошёл! Но меня грела мысль, что ты поступил благородно... А теперь что? Теперь я узнаю, что ты просто неудачно подрочил!

Вадим бросил трубку на пол и схватил товарища за шиворот майки, забывая, что Эльдар может быть лишь его личным призраком.

– Ты хоть представляешь, что я чувствовал, когда ты умер? Что каждый бы почувствовал, если бы его друг, знакомый, коллега покончил с собой? Что дверь на тот свет приоткрылась. Что в неё легко зайти, почти не прикладывая усилий. Замок не закрыт. И из-за тебя начал думать: а что, если это единственный выход? А теперь, мразь, я узнаю, что ты просто грёбаный извращенец?!

– Да ты просто не пробовал.

Вадим не был силачом, но Эльдар казался ещё менее спортивным. Однако вдруг он с силой бронетранспортёра опрокинул Вадима на пол, уселся тому на живот и стал душить. Вадим схватил руки на своей шее, но они впились в кожу, словно покрытые мелкими крючками. Он попытался бить Эльдара по спине коленями, но тот совершенно не реагировал на внешние раздражители.

Вдруг резкий глухой удар пресёк разворачивающееся преступление, руки Эльдара обмякли и тот повалился на пол. Вадим увидел свою спасительницу – Аню. Ей было, как и тогда, пятнадцать лет. Жидкие волосы собраны в тонкий длинный хвост. Унылая серая форма. В руках – тяжёлая деревянная бита.

– Аня? – уточнил Вадим.

– Уходим, – она помогла подняться парню и выволокла его из комнаты Эльдара.

Они снова очутились в уютной комнате Ани. Девушка забаррикадировала выход из квартиры Эльдара, подставив стул под ручку розовой двери и, убедившись, что на той стороне всё тихо, кивнула.

– Ты сейчас по-другому выглядишь, – заметил Вадим, глядя на Аню, которая явно была лет на десять моложе той девушки, фотографии которой он видел на днях в Инстаграме.

– Ты в порядке? – не обратив внимания на слова парня, она заботливо заглянула ему в глаза.

Аня осмотрела шею Вадима, пробежавшись мягкими подушечками пальцев по покрасневшей коже. Она достала из нежно-персикового комода с вычурными ручками прозрачную баночку розового крема и осторожными движениями намазала его на шею парня. Ему пришлось наклоняться, чтобы невысокая Аня дотягивалась.

– Охлаждает, – заметил Вадим, глядя на макушку девушки и на её тонкие пальцы с пастельным лаком.

– С мятой. Как ты любишь, – девушка дышала глубоко и протяжно, будто готовясь петь.

Вадим вспомнил, как они пили мятный чай с мёдом и имбирным печеньем у Ани дома. Первый поцелуй получился со вкусом мяты, и с тех пор её аромат ассоциировался у Вадима с первой любовью – прекрасной, но грустной, как полуувядший цветок.

– Помнишь, что бывает после мяты?

Приятный запах окутывал Вадима, и он чувствовал, как подгибаются колени и как Аня помогает ему лечь на мягкую перину. Девушка легла рядом и большими зелёными – или мятными – глазами с озорными искорками стала наблюдать, как Вадим выпадает в мир снов. Он боролся с собой, но запах воспоминаний ранней юности и мягкие, бесконечно нежные и остро знакомые руки заботливо заставили его заснуть...

Что-то билось в его руках, будто он достал из пруда свежепойманную рыбу, и та пыталась проскользнуть меж пальцев и вернуться в родную стихию. Веки Вадима казались тяжёлыми, как гири, а руки словно двигались, забыв повиноваться мозгу.

Разлепив глаза, Вадим обнаружил, что сидит на Ане, сжимая её горло и вдавливая в мягкую подушку. Лицо девушки покраснело, ослабшие руки пытались разжать его ладони, как только что Вадим пытался отбиться от Эльдара, а взгляд с ужасом метался по комнате, боясь задержаться на лице парня. Он попытался остановиться, но руки свело судорогой, он не мог пошевелить и пальцем.

– Аня! – крикнул в ужасе Вадим. – Боже, я... у меня не получается разжать руки!

У девушки закатились глаза. Она зажала губы так сильно, что проколола их зубами, и по щеке покатилась струйка крови.

– Боже... Эльдар! Хрущёв! – Вадим увидел, что дверь из комнаты Эльдара тряслась под ударами с той стороны.

«Лучше бы он сейчас проломил её и врезал мне», – думал Вадим.

Вдруг Аня перестала сопротивляться, и её рот расплылся в неестественно широкой улыбке, предающей её лицу в неверном освещении красного торшера жутковатый рельеф.

– Ещё чуть-чуть, – прохрипела Аня.

– Что? – не понял Вадим, чувствуя, как пот скатывается по лбу и с кончика носа капает на платье Ани.

– Тебе же нравится?

- Что? – стоило Вадиму прекратить думать о руках, как они сжались ещё сильнее.
- Это же ты обычно делаешь с девушками, – с улыбкой прошептала Аня.

Вадим был в ужасе. Помимо того, что он чувствовал приближение паники из-за невозможности управлять конечностями, то ещё и испугался, откуда Аня узнала о его БДСМ-увлечениях. С ней единственной он всегда был до невозможности нежен и не позволял себе ни единого резкого и неаккуратного движения. Если бы она узнала, как он теперь развлекается по ночам, сочла бы аморалом и преступником.

- Я тебя сейчас убью! – почти с истерикой в голосе сказал Вадим.
- Может, ты этого и хочешь? – прохрипела Аня.
- Нет... Нет-нет!
- Хочешь отомстить мне за разбитое сердце? – ногти Ани больно впились в его напряжённые руки. – Давай, это твой шанс.
- Нет!
- Всё ещё не простил меня? – она скорее хрипела, чем говорила, и Вадим скорее читал по губам её слова, чем слышал.
- Давно простил! Аня, прекрати это!
- Ты делал девушкам больно, потому что не мог им простить, что они – не я?
- Аня, пожалуйста, хватит!
- Какой же ты жалкий, – она рассмеялась кашлем, и новая струйка крови потекла по другой щеке. – Никогда не прощай меня, и тогда однажды ты будешь способен на убийство!
- Хрущёв! Хрущёв! – орал Вадим, не отрывая глаз от Ани. Ему слышались в коридоре шаги.
- Тебе никто не поможет, – рассмеялась Аня, поворачивая шею в руках Вадима и будто наждачкой царапая его кожу. – Мою дверь никто не может открыть!

В одну секунду девушка вывернулась, и ударила Вадима по уху. «Наконец-то мои руки разожмутся», – с облегчением подумал Вадим. Но нет, его ладони всё так же были словно пришиты к горлу Ани, но теперь та ещё и била его по голове.

- Давай! Давай убьём друг друга вместе!
- «Боже, это точно не Аня, – думал Вадим. – Эту тварь и правда стоит убить!»
- В дверь из коридора, не забаррикадированную стулом, интеллигентно постучали.
- Котики, я слышу, что вы занимаетесь тем, к чему третий может присоединиться только по согласованию всех сторон, – говорил Хрущёв из-за двери. – Но, признаюсь, меня немного обеспокоил уровень децибел в ваших криках, и категорический императив Канта заставил меня вмешаться.
- Хрущёв, быстро сюда! – заорал Вадим.
- Иду-иду... – Хрущёв легко открыл дверь, несмотря на прежние предупреждения Ани. – Эх-ох, что же вы творите, ребята?

Хрущёв взял железную вазу с цветами с туалетного столика Ани и аккуратно разбил её о голову девушки.

- Надо бить меня! Меня! – заорал Вадим, видя, как Аня потеряла сознание.
- Разожми руки, – спокойно сказал Хрущёв.
- Я не могу! Я не могу!
- Разожми.

Вадим прекратил паниковать и обнаружил, что способен шевелить руками. Аня без сознания лежала на подушке в окружении осколков вазы и лепестков цветов.

- Как писал Оскар Уайльд, – сказал Хрущёв, глядя на Аню. – Красота есть высшее откровение потому, что она ничего не выражает.
- Да пошёл бы, – плюнул сквозь зубы Вадим, слезая с кровати.
- Я тебя спас вообще-то, – усмехнулся Хрущёв.

– Что это за херня? – Вадим опустился на пол и обессиленными руками схватился за голову.

– Твои гештальты, – ответил Хрущёв, зажёвывая печенье, припрятанное в кармане.

– Я, блин, даже не знаю, что это за слово, а ты его талдычишь и талдычишь, талдычишь и талдычишь! – потерял терпение Вадим.

– Эх-ох, ну ты бы сразу так и сказал! – махнул рукой Хрущёв. – Вообще, «гештальт» – понятие из психологии, а конкретнее – из гештальтпсихологии. Гештальты – это целостные структуры восприятия. У психики есть привычка организовывать опыт в доступное понимание целое. Многие считают, что гештальты корректно сравнивать с докиновскими мемами, однако это неправильно. Мемы, размножающиеся и эволюционирующие подобно генам, могут измениться до неузнаваемости, будто мутанты. Но гештальт не такой: он всегда остаётся самим собой, сколько бы раз ни менялся. А вот вопрос «Что делает некую структуру очевидным и узнаваемым гештальтом?» уже относится к философии...

– И что? – пожал плечами Вадим.

– По Кёлеру самый каноничный пример гештальта – это мелодия. Ты узнаешь её даже при изменении темпа или тональности, потому что суть мелодии – самое основное – уже есть в твоём сознании. Смекаешь? Сами ноты могут менять гамму, в которой играют. Мелодия может исполняться на разных инструментах, даже некоторые ноты могут меняться местами, изменяться с четвертей на восьмые, но по в итоге всегда останется сама собой – гештальтом.

– Как это, твою мать, связано с тем, что меня сначала чуть не задушил год назад суициднувший товарищ, а потом я, не контролируя своё тело, чуть не задушил одноклассницу? – почти проорал Вадим.

– Они твои гештальты, – как само собой разумеющееся сообщил Хрущёв и пожал плечами.

– Типа они... части моего сознания? – нахмурился Вадим.

– Можно сказать и так, – покачал головой Хрущёв. – Любой объект в твоём сознании определяется гештальтом. Мозг осознанно или рандомно выбирает самые яркие черты объекта и создаёт из них гештальт. Воображая любого из своих знакомцев, мы визуализируем их ярчайшие черты внешности или характера. Мозг – ленивая тварь, и считает, что ярчайших элементов достаточно, чтобы описать объект, даже если этот объект – человек.

Вадим бросил взгляд на Анин дневник и вспомнил её сетования о том, она уходит из жизней людей, ничего не оставляя взамен. Как будто она боялась не оставить гештальта в сознаниях исчезнувших из поля видения друзей и любимых.

– И всё вокруг, – Вадим обвёл рукой комнату, – только в моём воображении?

– Кто знает, – Хрущёв меланхолично жевал.

– Может быть, я умер? – Вадим осмотрел свои руки, будто опасаясь увидеть на них трупные пятна.

– Мы все мертвы с рождения в некотором смысле.

– Твои объяснения не помогают, чувак. Ты давно здесь? Чем занимаешься всё время?

– Обычно просто... наблюдаю. И наслаждаюсь жизнью. Но это когда удаётся найти что выпить на кухне.

Тут вновь послышались стуки со стороны комнаты Эльдара. Вадим подскочил на месте, а Хрущёв неторопливо поднялся, осмотрелся, и найдя новую вазу, на этот раз хрустальную, разбил её о край стола, сделав себе уродливую «розочку».

– Про этого господина ты говорил, как про суициднувшегося друга? – уточнил Хрущёв.

– Да. Валим отсюда.

– Стой. От гештальтов нельзя убегать. Поэтому я и вернусь в квартиру 144.

– Что за бред? Почему нельзя?

– Единственный способ избавиться от гештальта – встретиться к ним лицом к лицу. И победить его или умереть.

– Но мы можем выиграть время, если уйдём! У меня руки почти не двигаются!

Несколько тяжёлых ударов – и стул, не выдерживая, отлетает, а дверь повисает на одной петле. Эльдар неторопливо заходит в комнату, покуривая сигарету. Вадим вспомнил, что при жизни бесило его пуще всего в товарище – привычка не гладить рубашки. Вот и теперь Эльдар вышел в до смерти измятой серой рубашке.

«Если бы я выбирал самые яркие черты для создания гештальта Эльдара, – подумал Вадим, – то это определённо оказались бы мятая рубашка и бесконечные сигареты».

– Он нереально сильный, – сказал Вадим, до сих пор ощущая сильные пальцы Эльдара на шее.

– Как и все гештальты, – заметил Хрущёв.

Помедлив с секунду, Эльдар присел и прыгнул на Вадима. В полёте его живот встретился с «розочкой» Хрущёва, но это не помешало Эльдару смачно вмазать Вадиму кулаком по лицу. Отлетев на кровать, тот упал на Аню, отчего та очнулась. Вцепившись в волосы парня, Аня обхватила его ногами и как будто пыталась задушить. Хрущёв тем временем воткнул сломанную вазу Эльдару в живот и пытался прокрутить, выжимая кровь из гештальта.

– Я здесь рассудил, – спокойно сказал Хрущёв, – что идея побега совсем недурственна.

Воспользовавшись тем, что Эльдар отвлёкся на глубоко воткнутую острыми краями в живот вазу, Хрущёв метнулся к кровати, молниеносно ударил Аню коленом в голову, схватил Вадима за руку и поволок на выход. Они оказались снова в квартире Аниных родителей, и Вадим, помня, как поступала девушка, подставил под ручку двери стул.

– Эх-ох, ненадолго поможет, – покачал головой Хрущёв, хрустя костями шеи.

– Куда нам идти? – был на грани истерики Вадим. – В новую квартиру? Где повторится то же самое? А что, если выпрыгнуть в окно?

Он выбежал в гостиную на балкон. За стеклом простирался плоский пейзаж Ессентуков. Аня жила совсем недалеко от его дома, и отсюда можно было увидеть школу, куда они оба ходили. Вадим попытался открыть окно, но рама не поддавалась. Трясущиеся руки подводили парня, ладони потели, и ручка выскальзывала.

– Дай помогу, – предложил Хрущёв и легко распахнул окно на балконе.

Вадим полной грудью вдохнул свежий курортный воздух, протянул руку, чтобы ощутить свежий ветерок и... наткнулся на стену. Вид из окна оказался нарисован на стене в тридцати сантиметрах от окна.

– Какого?.. – не верил Вадим, ощупывая идеально гладкую стену и приближаясь к ней лицом, чтобы разглядеть малейшие детали вида, так искусно напечатанные, что невозможно было разглядеть отдельные пиксели. – Как отсюда выбраться?

– Я не знаю, – спокойно ответил Хрущёв. – Там, кстати, гештальты вырываются, пора ливать.

– Это как в фильме... – щёлкал пальцами Вадим, пытаясь вспомнить.

– Шоу Трумана? Да, молодец, вспомнил. А теперь бежим: твои знакомцы бешеные.

На площадке между квартирами беспокойно мерцала лампочка Ильича. Из квартиры 144, где проживал притон Хрущёва, доносились голоса, весело распеваящие в караоке песни Лободы. Билась посуда, трещала мебель, визжали люди.

– Вот где ад, – заметил Вадим. – Я бы умер после получаса.

– От передоза? – уточнил Хрущёв. – Или ты социофоб и умер бы от принудительной социализации?

– От Лободы.

– Сноб, – усмехнулся Хрущёв. – Иди на третий этаж. Может там тебе повезёт.

– А ты?

– Я говорил, у меня есть незаконченные дела. Тебя они тоже обязательно настигнут, но скорее всего не сегодня.

Вдруг Вадим услышал знакомый треск из тёмного угла: это сыпались поломанные крекеры.

– Опять?! – закричал от усталости Вадим. – Я так больше не могу!

– На счёт три беги к выходу с этажа со всех ног, – сказал Хрущёв, доставая что-то из кармана.

– Чего?

– Раз, два...

– Эй, подожди...

– Три! Быстро, беги!

Вадим помчался к выходу, но что-то пошло не так: дверь не приближалась, а отдалялась. За спиной слышался хруст печенья, и сначала он настигал парня, но потом стал отставать. Вадим припустился быстрее, но стены как будто раздвигались, потолок поднимался, а пол удлинялся. Вокруг становилось темнее, и парень испугался, что снова окажется в крошечной тьме без стен и ориентиров. Только дверь к лифтам оставалась впереди туннеля, а над ней Вифлеемской звездой висела лампочка Ильича.

Он бежал, должно быть, с полчаса. Сзади его нагонял крекерный хруст и голоса Эльдара и Ани, непонятно что кричавшие. Мало-помалу Вадим приближался к выходу, но для этого ему приходилось бежать с постоянным ускорением.

«Парадокс Чёрной Королевы гласит, что гену постоянно нужно адаптироваться и совершенствоваться, чтобы не проигрывать гонку вооружений конкурирующим генам, – подумал Вадим голосом Хрущёва. – Чёрная Королева из «Алисы в Зазеркалье» говорила: здесь следует бежать со всех ног, чтобы просто оставаться на месте. Давай не проиграем нашу гонку, пожалуйста».

Вадим, наконец, добежал до двери, но ручка не поддавалась. Он заколотил по ней со всех сил, разбивая руки, которые уже почти не чувствовал, в кровь.

– Эй, кто-нибудь! – охрипшим голосом кричал он. – Помогите, я заперт здесь! Спасите!

Голоса преследователей были совсем близко, когда входная дверь распахнулась, и Вадим почти ослеп от яркого света.

– Он жив! – крикнул женский голос.

– Вытаскивай! – скомандовал более высокий женский голос.

Вадима схватили за руку и бесцеремонно вытащили на площадку перед лифтом, повалив на пол.

– Отойди! – крикнул тот же высокий голос.

Послышался лязг металла, свист расходящегося вокруг оружия воздуха и крики Эльдара.

– Там ещё одна! – крикнул более низкий женский голос.

Одинокий всхлип Ани был прекращён новым ударом.

– А это что за хрень? – рассмеялся высокий голос. – Карина, ты это видела?

Крекерный хруст прекратился после нескольких ругательств и ударов. Вадим пытался поднять хотя бы голову, хотя бы веки, но не выходило.

– Быстрее, затаскиваем его в лифт, пока поток открыт! – крикнул низкий голос.

Две пары рук подхватили Вадима под руки и ноги и затащили в отвратительно пахнущий маленький лифт. Как и все лифты, собственно говоря.

– Теперь всё будет хорошо, спи, – пообещал Вадиму высокий голос, и тот отключился.

5

В полусне Вадим заметил, как его затащили в лифт и долго-долго куда-то везли. Девушки о чём-то тихо переговаривались между собой, осматривали Вадима, лазали по карманам. Кажется, они нашли кухонный нож, запрятанный в заднем кармане – его последнее оружие и последнюю надежду – и забрали себе.

На другом этаже их встречали новые люди, но Вадим так и не справился с тяжёлыми веками, чтобы разглядеть незнакомцев. Он понял, что его тело погрузили на скрипящие носилки и понесли по длинному-длинному коридору, где пахло дымом и палёным мясом. Только оказавшись на мягкой скрипучей кровати, Вадим позволил своему сознанию улететь и провалился в глубокий сон без сновидений.

– Жить будет, – говорил мужской голос, прерывая сон Вадима. – Усталость, обезвоживание, переизбыток молочной кислоты в мышцах... Обычные симптомы после пары дней на нижних этажах.

– Когда он очнётся? – спросил низкий женский голос, который Вадим слышал, убегая со второго этажа.

– Может через два дня, а может и сию секунду. О как! – воскликнул мужчина, заметив открытые глаза парня.

Вадим осмотрел тёмную комнату и с удивлением обнаружил горящий на полу костёр. Потолок над ним был покрыт светоотражающими серебристыми панелями, какие ставят в машинах на жару, дабы не грелся салон. Панели казались старыми и порванными, словно их нашли на помойке. В помещении стояло пять одноместных коек, пара стульев и покосившийся шкаф, на дверце которого висел порванный советский плакат, где образцовый товарищ отказывается от водки с надписью «НЕТ!». Пожилой мужчина, которого Вадим определил как врача, в свитере грелся у костра, а девушка – скорее женщина – стояла у его кровати в плотной куртке, надетой как будто на бронежилет. В её причёске лежал широкий седой локон, а на груди висел железный армейский жетон, как из американских фильмов.

– С пробуждением, – слегка приподняла губы в улыбке она.

– Где я? – Вадим попытался подняться на трясущихся руках.

– На пятом этаже, – ответил мужчина. – Меня, молодой человек, зовут Андрей Максимович, а это – Карина.

– Я Вадим. Есть вода?

Андрей Максимович протянул ему кружку тёплой воды, которая согрелась у костра.

– Почему у вас костёр в квартире? – Вадим выбрал один из миллиона вопросов, крутящихся у него в голове.

– Чтобы не замёрзнуть, – заметил врач, грея руки над огнём.

– Сейчас же лето, – Вадим попытался разглядеть пейзаж за окном, но там была космическая темнота.

– У тебя было лето, а здесь всё иначе, – покачала головой Карина. – Ты давно в Девятиэтажке?

– Дня два... Наверное.

– Зелёный совсем! – с сожалением сказал Андрей Максимович. – На каких этажах был?

Вадим вкратце пересказал и историю с доктором Поповой, и бег через темноту первого этажа, и крекерного монстра (врач с Кариной не смогли сдержать смех), и встречу с Хрущёвым, и квартиру с питерским притоном, и квартиру своей первой любви, куда как-то поместилась комната покойного друга.

– Насыщенное знакомство с Девятиэтажкой, – присвистнул доктор. – Но я не понял, что за Хрущёв. Неужели тот самый?

– Едва ли у нас их два, – пожалала плечами та.

– То есть, кроме него, вас ничего не смутило?! – нервно засмеялся Вадим.

– Ничего, – ответила Карина. – Мы живём здесь по несколько месяцев, слышали и о более страшных квартирках.

– Месяцев?! – Вадим подскочил на ноги, оказавшись сантиметров на тридцать выше Карины. – Какого хрена? Я домой хочу! Я и так работу два дня пропустил, а скоро начнутся пары!

– Советую забыть о мире за пределами стен Девятиэтажки и сосредоточиться на выживании, – нахмурившись, сказала Карина. – Мой опыт подсказывает, что людям бесполезно объяснять, убеждать, внушать... Просто со временем ты всё поймёшь и смиришься.

– Ты так просто, блин, это говоришь! – закричал Вадим. – Предлагаешь смириться с тем, что мы живём в замкнутой херовине с монстрами-гештальтами?

– Гештальтами? – переспросил Андрей Максимович, глядя на Карину.

– Тоже без понятия, – ответила та. – Вадим, успокойся. Пойдём, я покажу, как ты теперь будешь жить.

Доктор достал из шкафа безобразно огромную телогрейку с масляными пятнами и отдал её Вадиму. Тот сперва брезгливо понёс её в руках, но стоило им выйти из квартиры, отапливаемой костром, как Вадим закутался, почувствовав ледяной ветер, гуляющий по этажу.

Они оказались в длинном коридоре, совершенно нетипичном для девятиэтажек. Скорее он был похож на казённый коридор старых государственных поликлиник, где из каждого кабинета пахло по-разному, но в равной степени омерзительно. Здесь же пахло дымом от костров, сооружаемых прямо у стен. Люди в помоечной одежде жались к огню или ходили между квартирами, стараясь не задерживаться на морозе лишнюю секунду, и заходили в двери без стука. Подальше от костров стояли ящики с едой, покрытые инеем и, очевидно, использующиеся, как морозилки.

Стены с облупившейся зелёной краской и побелкой кое-где были, как обоями, заклеены старыми советскими плакатами. «Не болтай!», «Родина-мать зовёт!», «К новым победам в труде и спорте!», «Зорко охраняйте склады, амбары, сараи с советским добром!»...

– Что произошло? – просил Вадим у своих спутников. Прочие люди в коридоре провожали новичка безразличным, немного сочувствующим взглядом.

– Так всё было изначально, – ответила Карина, плотнее прижимая капюшон к голове. – Мы пойдём к человеку, который прожил здесь дольше нас всех, вместе взятых.

– Заглянем к Филу по дороге, – сказал доктор.

Пробежав несколько дверей, они вломились в чью-то квартиру. Двушка, отапливаемая тремя кострами в разных комнатах, была исписана странными надписями. Присмотревшись, Вадим понял, что обои покрыты чертежами и формулами.

– Эй, Фил! – крикнул доктор.

– Ась? – из кухни появился полный парень с длинными рыжими волосами в тёплом свитере и с таким же армейским жетоном, как у Карины, на шее. В руке он сжимал паяльник.

– Что мастерить сегодня? – спросил доктор.

– Снова мучаю мобильник, – Фил показал на бесформенный комок в другой руке. – Безуспешно.

– Как будто у него бывает успешно, – тихо сказала Карина, так что услышал только Вадим.

– А это кто? – Фил ткнул паяльником в сторону Вадима.

– Новенький, – махнул рукой доктор. – Спирт остался?

– Технический, – ответил Фил.

– Давай.

Забрав три бутылки спирта, они побежали по коридору, мимо таких же бегущих людей, и оказались в однушке, заваленной палками, заточенной арматурой и бог знает, чем ещё. В

единственной комнате у костра, огороженного камнями, сидела девушка в шапке-ушанке да безразмерной телогрейке и жарила сосиски над огнём. Из-под шапки торчали растрёпанные светлые волосы до плеч.

– Очнулся? – спросила она Вадима, и тот узнал голос второй девушки, спасшей его на втором этаже.

– Да. Спасибо, – кивнул он.

– Есть хочешь?

– Хочу.

Женщина пододвинула газету, на которой уже лежало несколько копчёных сосисок, и все взяли по одной. Вадим понял, что давно не ел и безумно голоден. Когда за десять секунд он расправился с первой большой сосиской, девушка отдала ему ту, которую только пожарила.

– Меня Настей зовут, – сказала хозяйка квартиры, расстёгивая телогрейку, чтобы насладиться жаром огня. На её шее висел жетон. – Хотя некоторые называют Мэром Пятого Этажа.

– Я Вадим. И большой он, этаж?

– Нас здесь около пятидесяти человек.

– Около? – нахмурился Вадим.

– Группа ушла за едой, так что к вечеру может стать меньше, – пояснила Карина, заправляя седую прядь за ухо.

– А это ещё что? – возмутилась Настя, глядя на бутылки спирта рядом с Андреем Максимовичем. – Я запретила алкоголь! Андрей Максимович, я столько раз тебя прощала, но теперь ты не стесняешься нарушать правила прямо в моём доме!

– Настенька, они для пациентов, – заискивающе улыбнулся доктор.

– Ну-ну, – нахмурилась Настя. – Узнаю, что ты снова спаиваешь людей якобы во имя лечения, выкину на улицу без куртки!

– Она шутит, она добрая, – тихо шепнул доктор на ухо Вадиму.

– Можно выйти на улицу? – изумился Вадим.

– Разумеется, можно, – ответила Настя, округляя глаза от удивления. – Откуда, по-твоему, мы берём еду?

– Откуда же мне знать? – пожал плечами Вадим.

– Вот смотри, – Настя подошла к окну.

В её квартире, так же, как и в других на пятом этаже, окна были плотно закрыты. Она раздвинула куски шерстяной ткани, служившие шторами, убрала завал на подоконнике из тряпок, старой одежды и кусков пенопласта, отодрала скотч с одной стороны стекла, удерживающий плотный кусок картона, и приоткрыла узкую щель окна, от которой повеяло арктическим холодом.

– Сколько там градусов? – спросил Вадим, наблюдая, как на стене рядом с щелью появляется иней.

– Фил думает, температура варьируется от минус семидесяти до минус ста, – ответила Настя. – Посмотри туда.

Вадим без удовольствия приблизился к окну и всмотрелся в темноту. Голубой снег, покрытый грубой коркой льда, застилал дорогу перед домом. Далее виднелся большой парк голых деревьев, за которыми возвышалась монолитная серая коробка с пустыми глазницами окон без стёкол. Серое здание странной звёздopodobной формы протянуло свои руки-корпуса вглубь парка и смотрело с высоты одиннадцати этажей на мрачный холодный лес.

– Что это? – спросил Вадим.

– Не узнаёшь? – Настя закрыла щель обратно и завалила тряпками. – Это Ховринская Зброшенная Больница.

– Ховринская... – задумался Вадим. – Мы же сейчас в районе Ховрино, да?

– Сложно сказать, где именно мы, – вмешалась Карина, сидящая у костра. – Но факт в том, что в Москве Ховринская больница на самом деле стоит прямо напротив Девятиэтажки.

– Я бы заметил эту бандуру, – махнул рукой за окно Вадим.

– Нет, летом за деревьями её почти не видно, – сказала Карина. – Вот я попала сюда зимой, поэтому сразу узнала пейзаж – это как будто реальная Москва.

– Так может... это и есть реальная Москва? – задумался Вадим, представляя, как в одночасье наступил ледниковый период.

– Нет, – сказала Настя. – За пределами Девятиэтажки нет ничего, кроме Больницы. Парк бесконечный.

– И с другой стороны дома? – спросил Вадим.

– Да, со всех, – подтвердил доктор, тряпочкой полируя бутылки со спиртом. – Просто Девятиэтажка и Больница стоят посреди ледяного леса и смотрят друг на друга.

– Понятно... – прошептал Вадим, не понимая ни черта. – Признаюсь: звучит жутковато.

– Поэтому тебе придётся просто смириться, – сказала Настя.

– Но на других этажах я видел совсем другое, – вспомнил Вадим. – Там за окном была... стена с рисунком.

– Про другие этажи ты не думай, – посоветовала Настя. – Я скоро пойду на шестой...

– Опять?! – внезапно закричала Карина, хотя до этого говорила равнодушным полусмешным тоном. – Настя, тебя ничему жизнь не учит!

– Я два года не выходила с пятого этажа! – ответила Настя. – Я не могу просто сидеть и пытаться не умереть, пока остальные ждут от меня каких-то действий! Я не могу ничего не предпринимать!

– Но именно это ты советуешь делать всем на этаже, – заметил со смехом Андрей Максимович. – Сидеть смирно и ходить за едой раз в неделю.

– Да, и я была уверена, это единственно правильная стратегия выживания, – покачала головой Настя. – Но теперь сомневаюсь. Мы попали на второй этаж, Вадим вышел с него: значит лифты снова приходят, и потоки открываются.

– Так лифты обычно стоят? – спросил Вадим.

– Да, они стояли три месяца до вчерашнего дня, у нас не появлялись новые люди. Я была у шахт как раз в тот момент, когда лифт кто-то вызвал, и мы с Кариной успели перехватить его.

– Может быть, вызвал Хрущёв, – сказал Вадим.

– Хрущёв?! – с ужасом округлила глаза Настя. – Парень с красными волосами?

– Он самый.

– Боже, он выжил... – прошептала Настя. – Но это значит, что, кроме него, так и не появился человек, способный открывать двери и вызывать лифты... Ты встретил его на втором этаже?

– Нет, он жил на первом. Но когда я зашёл в его квартиру, со мной вместе появился крекерный монстр, и мы убежали на второй этаж.

– Крекерный монстр, как мило, – сказала будто детским тоном Настя. – Хрущёв остался на втором?

– Да. Там было несколько квартир, где творились... ну, страшные вещи.

– Да, мы знаем специфику второго этажа, – нахмурилась Карина.

– Но Хрущёв не хотел уходить из квартиры, где были тени его друзей, – добавил Вадим.

– Придурок, – со злостью сказала Настя. – Просто идиот.

– Он называл их гештальтами и говорил, что рано или поздно они всё равно за ним придут. А теперь и за мной – мои.

– Хрущёв всегда был странным, забудь его страшилки, – посоветовала Настя. – Раз он на втором этаже, надо его достать оттуда, пока не убежал.

– Зачем с ним снова связываться? – нахмурилась Карина.

Вадим обратил внимание, что доктор незаметно ушёл из комнаты и, судя по звукам, пил на кухне.

– Затем, что он может перемещаться между этажами, – начала загибать пальцы Настя. – Затем, что он откроет нам новые квартиры на пятом. Затем, что мы сможем выходить на улицу через любое окно, а не только через случайно сломанное во время пожара. И это уже не говоря о том, что мы можем попытаться счастья на других этажах...

– Вы выходите через окна? – уточнил Вадим.

– Конечно, – кивнула Карина. – Лифты же ведут не вниз и вверх, а чёрт знает куда.

– А лестницы?

– Про них лучше не думать, – отрезала Карина.

– Короче, Хрущёв нам необходим, – резюмировала Настя, – если мы не хотим окончательно сдохнуть от холода и голода.

Повисла напряжённая тишина, разбавляемая треском костра и чавканьем Андрея Максимовича на кухне. Вадим заметил в углу старую раскладушку с незаправленной постелью. Из-под лоскутного одеяла виднелась голова плюшевого единорога. Тут в дверь постучали.

– Открыто! – крикнула Настя.

Забегал рыжий Фил, обвешанный металлическими пластинами, словно собранным из мусора экзоскелетом. С азартной улыбкой он встал посреди комнаты и, как модель, повернулся вокруг своей оси, демонстрируя устройство в неявном свете тусклым ламп и костра.

– Это что? – спросила Настя, задумчиво грея руки над костром.

– Новая модель портативного обогревателя! – гордо заявил Фил. – За десять минут даже не коротнуло!

– Не взорвётся, как в прошлый раз? – скептически осмотрела приспособление Карина.

– Обижаете, дамы! Я вообще-то писал диссертацию по физике, пока сюда не попал! – упёр руки в боки Фил. Панелька на его плече выбросила искру на пол, и парень запрыгал на месте, чтобы её потушить.

– Да по тебе видно, что ты теоретик, а не практик, – заметила Карина.

– Я вообще-то единственный на этаже, кто хотя бы пытается облегчить остальным жизнь! – справедливо заметил Фил.

– Да, Карина, успокойся, – осадил её Настя. – Если один раз тебя подвело устройство Фила, это не значит, что не стоит давать ему шанс. Фил, спасибо. Я испытаю твой обогреватель, когда пойду за едой.

Рыжий парень шуточно поклонился, оставил «экзоскелет» у костра и ушёл. Карина недовольно хмыкнула.

– Так где вы берёте еду? – спросил Вадим.

– В Больнице, – Настя кивнула на окно. – Там в подвале огромный склад старых консервов и прочего. В палатах иногда валяется одежда, всякий мусор. Так и подбираемся.

– И туда опасно ходить из-за холода? – уточнил Вадим.

– Не только, – покачала головой Настя. – Потому что не только на первом и втором этажах есть монстры. Из-за них же опасно уходить глубоко в лес.

– А как далеко вы заходили? – спросил Вадим.

– Знаешь, сложно сказать... – вздохнула Настя. – Я всё больше убеждаюсь в мысли, что у леса нет начала или конца. Сколько бы мы ни шли вглубь, Девятиэтажка и Больница не удаляются, а порой, наоборот, приближаются. Парк как будто цикличен.

– А можно мне с вами сходить? – предложил Вадим.

– Ты дурак, что ли? – усмехнулась Карина, как будто маленький ребёнок захотел пойти на аттракционы для взрослых.

– Да пусть пойдёт, – решила Настя. – Сразу поймёт, что почём.

– Если выживет, – добавила Карина.

– Как у тебя с физической подготовкой? – спросила Настя Вадима.

– Не очень, – честно признался тот, показывая худые руки. – Но я выносливый. В школе лучше всех бегал на длинные дистанции.

– Это может пригодиться, – кивнула Настя. – А по профессии ты кто? Что-нибудь полезное умеешь?

Рассказывая о должности бизнес-аналитика в нефтегазовом консалтинге, Вадим встретил полное непонимание в глазах Насти и Карины, которым половина слов уже была будто незнакома.

– Офисный планктон, – заключила Настя. – Нас тут половина таких. Да я и сама раньше была каким-то менеджером... Ну что же, выдвигаемся на рассвете, это самое спокойное время. Вадим, можешь переночевать здесь. Уже поздно, чтобы искать тебе постоянное жильё.

Для Вадима из завала в углу достали другую раскладушку. Вместо подушки и одеяла накидали тряпок, которые, к счастью, было сложно рассмотреть при местной степени освещённости. Во сне Настя сильно храпела.

6

Утром у Насти вновь оказалась Карина и двое крепких, похожих друг на друга, мужчин. Их представили Борисом и Глебом, и Вадиму подумалось, что они – близнецы, родители которых были не очень изобретательны в выборе имён. Отличать их друга от друга можно было лишь по волосам: Борис носил ультракороткую стрижку, из-под которой проглядывали старые татуировки, а у Глеба отросли светлые волосы до плеч, карикатурным образом похожие на причёску Насти.

– Наш новенький – Вадим, – представила его Настя, пока остальные плотнее застёгивали куртки и крепили к ним куски арматуры и палки, валявшиеся у Мэра в прихожей. – Пойдёт первый раз наружу, так что мы сегодня быстро, только в Больницу. В лес ни ногой.

– Да нафиг нам лес, – хмыкнул Борис. – Кроме монстров, там ничего нет.

– Настя, кроме тебя, в лес никто не рвётся, не переживай, – рассмеялся басом Глеб.

– Рассвет сейчас, – объявила Карина, посмотрев на часы.

Побежав по межквартирному коридору, они встретили несколько человек, и каждый пожелал им удачи. Желали серьёзно и без улыбки, как будто они уходили на войну, и у Вадима ёкнуло сердце. Они оказались у квартиры, на которой корявой жёлтой краской было написано «ВЫХОД». Настя потрогала надпись, будто удивившись её наличию. Внутри оказалось намного холоднее, чем в коридоре, и Вадим почувствовал, как на шарфе, которым он замотал лицо, влажные следы от его дыхания превратились в корочку льда.

На стене коридора жёлтой краской был прописано следующее:

«Выходя из Дома НЕ ЗАБУДЬ:

Взять фонарь и спички

Взять соду

Взять оружие (арматуру и всё, что пошлёт бог)

Взять аптечку (было зачёркнуто) бинты (тоже зачёркнуто) тряпки и жгут

Взять шумелки

Сообщить как минимум двум товарищам, куда ты пошёл

Не слушать цикад в северной части леса (криво приписано у пола)»

– Соду? Шумелки? – удивился Вадим.

– Забей пока что, – посоветовал Глеб. – Это для местных жителей.

– Для монстров? – уточнил Вадим.

– Дофига догадливый, – заметил Борис.

В комнате было ещё холоднее: стекло в оконном проёме отсутствовало, а на улицу вела тонкая верёвочная лесенка. Сама комната была завалена склянками, старыми развороченными консервными банками, и как всегда – порванной одеждой. У Вадима уже начинали трястись руки от грязи на пятом этаже.

– Почему у вас никто не убирается? – брезгливо спросил Вадим.

– Вот ты и уберёшься, – хмыкнул Борис.

– Сначала я, потом Борис, потом Вадим, потом Карина, потом Глеб, – объявила Настя и полезла вниз.

Когда подошла его очередь, Вадим не поверил, что за окном наступило утро: было всё так же темно, как когда Настя показывала ему Больницу через щель в своей квартире. Низкие серые, почти чёрные облака стелились почти по крыше Больницы. Ледяной лес сковывал неподвижный снег: ветер не дул, и холод непоколебимо доминировал над всем вокруг. Посмотрев вниз, Вадим увидел, что Настя уже стоит на земле перед подъездом, а Борис спускается на середине, сильно раскачивая лестницу.

– Подожди, пока он спустится, и лезь, – посоветовала Карина сзади.

Вадим никогда в жизни не пользовался верёвочными лестницами и теперь, перебравшись на сторону улицы, старался не смотреть вниз. Спускаясь, он перелезал через чёрные окна нижних этажей, за которыми не было видно абсолютно ничего. Оказавшись на земле, он спросил Настю:

– А что будет, если зайти на нижние этажи с улицы?

– Не удаётся, – ответила она, глядя как ловко и быстро спускалась Карина, перешагивая через две ступеньки. – Дверь подъезда с улицы не открывается, окна не разбиваются. Единственный способ попасть на наш этаж – эта лестница, а на другие этажи с пятого – лифты.

Глядя на земле на высоких и мускулистых Бориса с Глебом, на Карину плотной комплекции и на миниатюрную Настю, Вадим думал, как же последняя выживает и борется с монстрами. Судя по тому, что Настю признавали мэром и лидером экспедиций за едой, она это делала ещё и лучше всех.

– У вас нет нормального оружия, кроме?.. – Вадим показал на арматурины, которые все сжимали в руках.

– На других этажах было, – ответила Настя. – Здесь стрелковое оружие не настолько нужно.

– Всего-то без него умирают люди, – хмыкнул Глеб. Было видно, что они с Настей не в первый раз касаются этой темы.

Они вышли на асфальтовую дорогу перед Девятиэтажкой. В отличие от настоящего московского пейзажа, здесь не было мусора и машин. На другой стороне улицы за забором из сетки-рабицы возвышалась Ховринская Зброшенная Больница. Прямо напротив места спуска в заборе была выломана секция.

– А куда ведёт дорога? – спросил Вадим, всматриваясь вдаль асфальтированной дороги.

– Никуда, там везде лес, – ответила Настя, заматывая шарф вокруг лица и оставляя открытыми только глаза.

Действительно, вдалеке дорога уходила в туман, из которого нечётко проявлялись силуэты голых деревьев. Туман стелился плотными клубами, словно куски от тёмных облаков отвалились и обрушились на землю. Вадим тоже закутался плотнее, и их маленькая экспедиция направилась к Больнице.

– Не отходи от нас ни на шаг, – предупредила Настя, когда они пролазили через дырку в заборе.

Перед больницей посреди леса – бывшего парка – простиралась широкое замёрзшее болото. Пришедшие втыкали арматуру в лёд и держались за неё, чтобы не упасть, а у Бориса были наколоты шипы на ботинках, напоминающие «кошки» альпинистов.

– Надеюсь, внутри не скользко? – спросил Вадим.

– Не настолько, – ответила Карина, чуть не поскальзываясь.

– Вы не катаетесь здесь на коньках? – усмехнулся Вадим, пытаясь не вглядываться вглубь леса, где как будто двигались тёмные фигуры.

Ему никто не ответил. На первый этаж Больницы они залезли через пустое окно. Обледеневший пол пустой палаты с одной поломанной сетчатой кроватью посередине был завален мусором, окурками, пустыми банками.

– А в Москве это обычная больница? – спросил Вадим, подсвечивая стены с неясными надписями фонарём, который ему дал Глеб.

– Нет, она пустует, – ответила Настя. – Ховринская Зброшенная Больница – самое популярное место в Москве для идиотов, которые лезут по заброшкам.

– Такое огромное здание – и не используется? – удивился Вадим, когда они вышли в широкий коридор с обвалившейся штукатуркой и бесконечными граффити на стенах. – Земля же под ним стоит миллионы. Почему не построили жилые дома?

– По официальной версии здание признали аварийным из-за болот под ним, – ответила Настя. – Строительством остановили, когда фундамент стал проседать. Ещё в девяностых, кажется... Потом она много раз переходила из рук в руки, и так до сих пор не снесена. Подростки сочинили о ней тысячи легенд, и их много знает Фил. Он рассказывал, что когда-то лазил в неё. И кто знает, возможно в реальной Москве кто-то видит тех же монстров, что и мы...

По спине Вадима пробежал холодок. Страшилки о призраках и монстрах с детства его пугали, хоть он и не верил в паранормальные явления и прочую чушь про экстрасенсов. А теперь, вроде как очутившись в другом мире, который оказался несправедливо маленьким по сравнению с тем, что понимают под словосочетанием «другой мир», он не знал, как относиться к сверхъестественному.

– Больница связана с тем, что происходит в Девятиэтажке? – спросил Вадим.

– Да кто ж её знает, – ответил Борис, набирая какие-то склянки из шкафа в коридоре. – У нас не так много ответов, как тебе кажется.

– В Москве Больницу держат на замке, в неё нельзя заходить, – продолжила Настя. Чувствовалось, что историй о заброшке она знает не один десяток. – Охрана дежурит круглосуточно, и не зря. Несколько подростков умерло от несчастных случаев: перекрытия обрушались, лестницы складывались... И раньше было популярно прыгать с крыш. Поэтому её хоть и не сносят, людей внутрь не пускают.

– А можно подняться на крышу? – спросил Вадим.

– Нечего там делать, – хмыкнул Глеб.

– Пошли, почему нет, – сказала Настя.

– А мы лучше займёмся делом и отправимся за едой, – недовольно предложила Карина.

– Нет, – отрезала Настя. – Все помнят, что бывает, когда люди разделяются в Больнице.

Все идём наверх.

Остальные недовольно заворчали, но последовали за Настей. До лестницы они шли по бесконечным извивающимся коридорам, и Вадим не мог понять, в виде какой странной геометрической фигуры Больницы построена.

Чтобы добраться до верхнего одиннадцатого этажа, они трижды меняли лестницы, потому что многие пролёты оказались разрушены. Блоки ступенек целиком обваливались на предыдущие этажи или висели, покачиваясь, на арматуре, торчащей из стен. Пока что на всех этажах было одинаково тихо и пусто. Граффити непонятным шрифтом повествовали истории тех, кто бывал здесь то ли в реальной Москве, то ли спустившись с пятого этажа.

Выход на крышу оказался загорожен сломанной железной дверью, которую пришлось вдвоём открывать Борису с Глебом. Оказавшись на крыше в самой центральной части здания, Вадим первым делом обратил внимание на форму корпусов больницы.

– Похоже на знак биологической опасности, – заметил он, разглядывая крышу сквозь высокие деревья, растущие прямо из бетона.

– Архитектор так и задумывал, – сказала Настя. – Здесь красиво.

Она села на край крыши и свесила ноги. Вадим уселся рядом, а остальные наматывали круги по крыше, тихо переговариваясь друг с другом и ворча.

Пытаясь всмотреться в горизонт, Вадим не увидел ничего, кроме бесконечного леса, как все и предупреждали. Низкие зимние облака, голые стволы деревьев, Девятиэтажка в стороне от Больницы – вот и весь неразнообразный пейзаж неприветливого дивного нового мира, в котором очутился Вадим.

– И что же вы... здесь делаете? – не знал, как правильнее сформулировать Вадим. Он посмотрел на свои руки в грубых перчатках из дублёной кожи и понял, что перестаёт чувствовать пальцы от холода.

– Выживаем, – вздохнула Настя. – Когда-то я верила, что смогу выбраться из Девятиэтажки, но теперь нет.

– Сколько ты здесь живёшь? – спросил Вадим.

– Пять лет. Я жила на разных этажах с разными людьми, но пятый ещё самый спокойный. Я подумала, что здесь смогу спокойно встретить свой конец. Но теперь, когда лифт снова заработал, чувствую, что возможно не всё потеряно.

– Что на других этажах, если этот холодный ад ты считаешь райским уголком? – удивился Вадим.

– Там на тебя нападают монстры не раз в неделю, а раз в час, – добавила из-за спины Карина.

– А там... – Вадим показал рукой на горизонт, – вообще ничего? В смысле, никто туда не смог добраться? Никто не знает, что там?

– Да, – кивнула Настя и добавила карикатурно печальным голосом, приложив ладонь ко лбу, – Моя душа – как чаща леса, чтобы в неё войти, нужно не бояться волков...

– Только не снова статусы из Контакта, – закатила глаза Карина.

– О, кстати! – вспомнила Настя. – Аппарат Фила.

Настя бодро вскочила, смело скинула телогрейку и включила обогреватель Фила, который носила поверх двух свитеров. Ожидая, пока панели разогреются, она прыгала на одной ноге и громко напевала «Медузу».

«Это совсем новая дебильная песня, – подумал Вадим. – Настя не может здесь жить пять лет»

– Оденься, это не сработает, – посоветовала Карина, видя, как лицо подруги синеет.

– Медуза-а-а! – орала Настя, интенсивно перебирая ногами. – Медуза, медуза, мы друзья-а-а-а!

«Возможно, стоит вернуться к версии, что я попал в ад», – думал Вадим, затыкая уши от пения Насти.

– Не работает, – заключила она, пропев всю песню, но так и не согревшись. – Бежим внутрь.

Прежде, чем спуститься в подвал, они прошерстили несколько этажей на предмет лекарств и одежды. Несколько раз Настя давала команду достать оружие, когда слышала подозрительные звуки, но каждый раз тревога была ложной. Борис выдал Вадиму большой туристический рюкзак, и теперь он сваливал себе любой мусор, который команде казался полезным.

– Неужели за столько лет вы ещё не вычистили Больницу целиком? – удивлялся Вадим, когда они заходили с новую палату, будто не тронутую мародёрством.

– Иногда появляются новые вещи, – объяснил Глеб, перекатывая между пальцами свой армейский жетон на шее.

– Откуда? – спросил Вадим.

Остальные лишь безразлично пожали плечами, давно смирившись со странными правилами.

– В реальной Москве в Больнице вообще не может быть лекарств, – заметил Глеб, – она же никогда не использовалась по назначению.

В подвале температура была на десяток градусов выше. Может быть, не -80, а -70. Длинные полки с аккуратно расставленными консервами пробудили в душе Вадима забытое успокоение от созерцания простых симметричных вещей. А обнаружив, что продукты расставлены не только по содержанию, но и по цвету упаковки, он почувствовал себя как дома.

– Бери, сколько сможешь унести, – сказала Настя, нагружая собственный рюкзак. – Но учти, что возможно придётся бежать.

Консервы с мясом, рыбой, тушёнкой, печенью и даже красной икрой дополняли пакеты с рисом, гречкой и макаронами. Еда была новенькой, будто только из супермаркета, и это напу-

гало Вадима больше, чем если бы по ржавым банкам ползали пауки. Как будто кто-то специально подкармливал людей. Вадим пытался найти на упаковках срок годности, чтобы сориентироваться в местном времени, но поля для заводских штампов о дате изготовления остались пустыми на всех продуктах.

– Сверху! – крикнул Борис, и все задрали головы, направив фонари на потолок.

Тихий хруст убегал в угол комнаты.

– Что это, чёрт возьми, было? – тихо спросила Настя, осматриваясь вокруг. – Никогда не слышала таких звуков.

– Я тоже, – отозвался Глеб, направляясь в угол, откуда продолжал доноситься хруст.

– Стоять! – приказала Настя, когда Вадим рефлекторно потянулся туда же. Парень повёл сутулыми плечами, недовольный тоном девушки, но ничего не сказал.

– Вижу его... – сказал Глеб из угла. – Это... мать его что такое?

Резкий хруст на секунду прекратился, затем нечто метнулось вверх – и на потолке оказалась куча поломанного крекера. Она перекатывалась внутри себя, словно готовая вот-вот взорваться и изранить всех острым печеньем.

– Что за херня? – севшим голосом спросила Карина.

– Это крекерový монстр, о котором ты говорил? – Настя спокойно смотрела на Вадима, доставая из-под одежды арматуру.

– Да, – кивнул тот. – Его можно уничтожить водой.

– С таким подходом ты долго протянешь, молодец, – хлопнула его по плечу девушка и рванула вперёд.

Настя в два прыжка оказалась на верху стеллажа с едой и с замахом ударила арматурой, как двуручным мечом, крекерový комок в самый центр. Существо издало пронзительный хруст и метнулось в другую сторону.

– Я погнала его к напиткам! – крикнула Настя. – Поливайте водкой!

Сначала Вадима не понял, при чём здесь водка, но потом сообразил, что при такой температуре, только она могла остаться жидкой из всех напитков. Хотя 40-процентный раствор спирта мог бы замёрзнуть при температуре около -30 градусов, но Вадиму казалось, что разных частях подвала стояла разная температура. Борис разбил горлышки на нескольких бутылках водки и отдал остальным. Крекер прятался между шкафами и быстро смывался, стоило кому-нибудь оказаться вблизи и уронить хоть каплю жидкости на печенье.

– Странно, раньше оно не убегало, – сообщил Вадим Насте, когда монстр в третий раз сменил локацию.

– Возможно, боится холода, – заметила та. – Как он прошёл за тобой через лифт? Существа не умеют перемещаться между этажами.

– Не знаю, – ответил парень.

– Только бы не лажа от Хрущёва, – скривилась Настя.

Крекерový монстр притаился за одним из шкафов, а звук хруста становился громче.

«Неужели эта груда печенья – мой гештальт? – думал Вадим. – Да, мне никогда не нравилось печенье, но чтобы настолько...»

– Бегите! – крикнул Глеб, ближе всех стоявший к монстру.

С хрустом и треском ближайший к существу стеллаж рухнул на пол, а из-за него появилась огромная птица, слепленная из грязного свалывшегося крекера.

– Это грёбанный птеродактиль! – то ли испугано, то ли радостно добавил Борис.

Монстр разинул огромную пасть, и сходство с летающим динозавром стало очевидно. Крылья, размахом в несколько метров, разбивали дерево шкафов в клочья, и уже никто из экспедиции не решался подойти ближе.

– Где водка? – тихо спросила Настя.

– Кончилась, – громко шепнул Глеб.

– Валим! – скомандовала тогда она, и все ринулись к выходу из подвала.

Только теперь Вадим понял, зачем Настя предупреждала не перегружать рюкзак. Когда все уже миновали лестницу на первый этаж, Вадим с парой десятков килограммов консервов на плечах, ещё только вбегал на пролёт, ударившись головой о низкий косяк двери. К счастью, монстр запутался в лабиринтах шкафов с провиантом и сейчас пытался выбраться из-под стеллажа с туалетной бумагой.

– Давай-давай-давай! – Борис вернулся к Вадиму и потащил того за локоть вверх, чтобы ускорить.

– Домой! – крикнула Настя.

Они помчались по коридору, петляя на поворотах, и Вадим не отставал только из-за Бориса, который тащил его за собой, как танк.

Настя ловко выпрыгнула из пустого окна в сугроб, и остальные поступили так же. Вадима Борис почти вышвырнул, а с другой стороны его поймали Глеб с Кариной.

– Слева тени! – крикнула Настя.

Все уставились в тёмный замёрзший лес. Вадим слышал тихий шёпот, до жути напоминающий шёпот, когда он брёл сквозь темноту на первом и втором этажах. Парень уже стал перебирать в голове новые гештальты, которые могли проявиться из его прошлого и из его страхов.

– Что это? – тихо спросил он.

– Хозяева пятого этажа, – прошептала Карина. – Не шевелись. Может быть, они уйдут.

Долго Вадим не мог понять, на что же смотрят остальные: но вот в глубине леса он увидел неясные силуэты. Они были похожи на фигуры, встреченные им в квартире друзей Хрущёва на втором этаже, но эти были более размыты.

– Гештальты? – прошептал Вадим.

– Чего? – нахмурилась Настя и тут же отвлеклась.

Штук шесть фигур неспешно бродили туда-сюда между деревьями, и Вадиму казалось, их команда стояла слишком далеко, чтобы тени смогли их заметить.

– Почему мы стоим? – прошептал парень, порываясь уйти.

– Двинешься, я тебе башку оторву, – пообещал Борис, смотря Вадиму прямо в глаза.

– Карина, давай, – прошептала Настя.

– Думаешь, стоит? – со страхом переспросила женщина. – Может, переждём?

– Они слишком быстро ходят, мне это не нравится, – сказала Настя, хотя Вадиму казалось, тени ползали как улитки.

Карина прочистила горло, открыла рот, и все замерли. Вадим сначала не понял, что произошло, а потом услышал рядом шёпот нескольких голосов. В ужасе он оборачивался, ища глазами тени, но потом обнаружил, что звук исходит от Карины. Широко раскрыв рот и не шевеля языком или голосовыми связками, женщина издавала жуткий низкий шёпот, словно принадлежащий нескольким разным людям.

Тени в лесу остановились и повернули расплывающиеся головы в сторону людей. Несколько фигур сделали шаг вперёд, а потом резко развернулись и убежали.

– Работает, – радостно шептал Глеб.

Ещё несколько фигур завороченно смотрели в сторону Карины, пока одна из них не присела на корточки и не метнулась в их сторону.

– Бежим! – заорала Настя.

На этот раз Вадим от страха бежал впереди всех, невзирая на тяжёлый рюкзак. Он не оборачивался, но слышал, как шёпот множества голосов приближается и будто сопровождается кланьем зубов. На секунду ему показалось, что вновь падает в мир абсолютной темноты, но у него просто темнело в глазах от усталости.

– Вадим, первым! – скомандовала Настя, когда они, миновав дырку в заборе, добежали до Девятиэтажки и до верёвочной лестницы, свисающей с пятого этажа.

– Он медленный! – возмутился Борис.

– Вадим, я сказала! – рявкнула Настя низким голосом, и на этот раз парень с радостью подчинился.

Он не помнил, как взлетел вверх по лестнице, но на пятки ему наступали руки Бориса. Последней в комнате оказалась Настя, и счастливо вернувшаяся экспедиция расселась на полу, облокачиваясь на рюкзаки с трудом добытым провиантом.

– Они близко? – суетился Вадим, не понимая, почему остальные расслабились.

– Остынь, парень, они сюда не доберутся, – сказала раскрасневшаяся от бега Карина, стягивая с себя ушанку. На лицах вернувшихся сияли счастливые улыбки людей, узнавших, что смертельный диагноз был поставлен по ошибке. Будто они уже потратили все деньги и силы на лечение, оказавшееся бесполезным, но всё равно были счастливы узнать, что болезнь оказалась ненастоящей.

– Так мы в безопасности? – не верил Вадим, с трудом слыша слова за стучом сердца в висках.

– Да, – Настя улыбнулась и по-сестрински обняла Вадима. – Поздравляю с первой вылазкой! Но серьёзно, что за хрень из печеня? Не подумай, твой монстр мне понравился больше наших лесных теней, но просто... крекер?

– Я знаю не больше вашего, – ответил парень. – Он мне попался сразу на первом этаже.

– Ты так удивляешься, как будто год назад у нас не жила орлица, несущая яйца из ядовитого желе, – сказала Карина Насте.

– Ядовитого желе? – рассмеялся Вадим.

– Было круто, – вспомнила Настя. – Представляешь, на крыше Больницы, где мы только что были, орлица свила огромное такое гнездо. Вырывала целые деревья из леса и сплетала их. Да, и была она метров пятнадцать в холке. Мы сначала боялись вылезать на крышу, но потом один из наших заметил, что в гнезде появились яйца. Я решила, их можно съесть. И мы даже стащили у орлицы одно яйцо. Оно было вот такое – с тебя ростом и в обхвате как бочка. Но скорлупы не было, только зелёное желе, от которого пахло прямо, зараза, яблоками. Мы думали, желе съедобное, и попробовавшие его говорили, оно правда походило на яблочные конфетки... Однако до утра они не дожили.

– Весело, – прокомментировал Вадим, рассчитывая на другую концовку.

– С тех пор ничего, кроме консервов, не жрём, – вздохнул Борис.

По соседству с квартирой, из которой они выбирались на улицу, располагалась однушка, полностью отданная под еду. Она уже была забита едой почти до потолка, поэтому прочие жители этажа, хоть и приветствовали вернувшихся улыбками и словами благодарности, но не чествовали как героев, спасших всех от голода. Признаться честно, Вадим после пережитого ужаса и холода, на это рассчитывал.

– Не дрейф, – Настя стукнула Вадима по плечу и продолжила наигранно-трагичным тоном. – Вот знаешь, как говорят... Ты открываешь людям свои колодцы, а они в них плюют.

Карина снова закатила глаза.

7

Вадим уже две недели прожил на холодном пятом этаже. Его подселили к Филу-изобретателю, и тот оказался чрезмерно болтливым соседом. У Фила, оказывается, был миллион идей, как устроена Девятиэтажка, почему не работают лифты, откуда берутся монстры и так далее. И если поначалу Вадиму было интересно, то со временем, поняв, что Фил ничего не знает наверняка, а просто любит витать в фантазиях, он пытался возвращаться домой, когда сосед уже спал.

– Это аномалия магнитного поля Земли, – уверенно выдал Фил, когда Вадим только въехал к нему, и они впервые ужинали вместе на кухне, жёлтые бумажные обои которой были исчерчены заметками Фила. Ели они говяжьи консервы, разогретые на костре, да недоваренные макароны. – Здесь нарушены причинно-следственные связи, а порядок этажей – это тоже причины и следствия. Мы живём на оторванном звенье цепочки, без причины и следствия. Лифты, а они и есть связи, обычно не работают, но иногда, когда аномалия... менее аномальна, можно попасть на другой этаж.

– Нет! – выкрикнул Фил посреди ночи, когда Вадим уже заснул на соседней сетчатой кровати под красным настенным ковром с орнаментом, завернувшись в драное одеяло. – В Больнице проводились эксперименты по перемещению во времени, и мир пятого этажа – побочный эффект удравшегося эксперимента. Думаю, они пытались воздействовать на пространство и время через гравитацию, поэтому Больница и проваливается под землю!

– Ты же физик, нет? – пробормотал сонный Вадим. – И веришь в путешествия во времени?

– Ты прав, это неправдоподобно, – решил Фил и уснул до утра.

– Это военный эксперимент, – заявил через несколько дней за ужином Фил, заправляя за уши длинные рыжие волосы. Вадим с омерзением наблюдал, как волос соседа падает в разогретый консервированный суп. – МВД разрабатывает психологическое оружие, а мы – подопытные крысы. Вот ты попал сюда от психотерапевта, а меня подруга заманила. Они работают на МВД!

– Или этот дом стоит на остатках древней цивилизации, – говорил Фил, помогая Вадиму найти тёплые вещи, когда тот собирался в очередную вылазку за едой, – и они пытаются передать нам послание. Мы рядом с Больницей, построенной в виде знака биологической опасности. Значит ли это, что человечество вымрет от вируса, а мы не сможем никого предупредить!?

– Ещё одно слово, и я тебе врежу, – предупредил Вадим.

Квартира Фила напоминала Вадиму квартиру его родителей. Простой интерьер с советской мебелью: тот же ковёр на стене, к которому Фил гвоздями прибивал четрежи для следующих изобретений. Холодильник, духовку и стиральную машину Фил использовал, как склад запчастей, а однажды, когда Вадим принимал душ из талой воды, слив не работал, так как был забит болтами.

К тому же жить с Филом было всё равно, что жить с котом. С длинношёрстным рыжим котом. Волосы валялись по всей квартире, а Фил, утверждая, что гении рождены властвовать над хаосом, принципиально не убирался. После трёх дней ругани и убеждений Вадим забил и постарался привести квартиру в порядок. Но у Вадима было своё, специфическое представление о порядке, что вызывало лишь новую волну споров.

– Ты идиот раскладывать дрова по размеру? – обалдел Фил, когда вернулся от товарища из соседней квартиры и обнаружил идеально уложенные дрова перед костром. – Мы же их сейчас всё равно сожжём!

– Нет, их запаса хватит на три дня, – ответил Вадим. – И эти три дня они будут уложены. И ты не будешь их трогать.

– Полотенца развешаны по цветам радуги? – кричал Фил из ванной. – И откуда ты их столько надыбал? И зачем? У меня всего одна задница!

– Я не собираюсь жить как животное без порядка! – закипал Вадим, глядя, как Фил неаккуратно вытирает руки и бросает полотенце на пол мимо крючка.

– Где моя любимая телогрейка? – орал Фил, не обнаружив её на привычном месте в углу на кухонном полу.

– На помойке, чёрт возьми! От неё воняло! Ты живёшь, как свинья!

– А ты полоумный педант!

Многие вечера начинались драками, но заканчивались примирениями, когда Вадим сообщал, что принёс из Больницы выпивку.

Каким бы ни был сосед, но он разбавлял скуку новой жизни. У каждого на этаже была работа, и Вадима Настя назначила мальчиком на побегушках при себе и Филе. И если с Настей они просто регулярно выбирались в Больницу за припасами или в лес за дровами, Фил мог выдать: «Найди мне пружину с коэффициентом упругости 60», – и Вадим отправлялся в многочасовые поиски на улицу, чтобы найти хоть какую-нибудь пружину, которые обычно в заброшенных больницах не валяются.

Вадим даже полюбил вылазки на улицу, так как в Девятиэтажке заняться было решительно нечем. Жизнь была, несмотря на холод и безрадостность, сытой и ленивой. Люди, занимающиеся готовкой или уборкой (якобы уборкой, ведь Вадим был уверен, что те лишь создают видимость работы), месяцами не показывали носа на улицу, и вечера проводили за пересчитыванием больничных газет в двадцатый раз. Телевидения или хотя бы электричества на пятом этаже не водилось, и люди играли в самодельные шахматы, шашки, карты и огромное множество разнообразных настольных игр, чудесным образом водившихся в этом захолустье.

Однажды Вадим заметил в коридоре поседевшего, но молодого мужчину, корпящего над новой настолкой. Тот раскрашивал карточки для игры старыми красками, которые приходилось прогреть на костре.

– Я был профессиональным геймдизайнером, – пояснил тот. – Здесь у меня небольшая аудитория, зато работы мои нужны, как никогда. Раньше мы могли отвлечься на соцсети или компьютерные игры, а теперь – только на цветные куски картона из Больницы. Ты здесь как, освоился?

– Более-менее, – Вадим сел у костра понаблюдать за работой мастера. – Как вас, простите, зовут?

– Иван. И здесь все на «ты», пора уже привыкнуть. Играл раньше в игры?

– Ну, плейка дома стоит... стояла, – вздохнул Вадим. – Но я работал и учился заочно, времени почти не было.

– Что там из новинок вышло? – интересовался Иван, рисуя на очередной карточке фею с яркими крыльями.

– «Детроит» на пике популярности, – не сразу припомнил название Вадим. – Я всё ждал скидку на неё и не дождался, блин.

– «Детроит», знакомо... Про андроидов, верно?

– Ага.

– Так я проходил демку незадолго, как попал в Девятиэтажку. Как упорото здесь идёт время: я-то живу здесь четвёртый год, а в настоящем мире прошла пара месяцев или пара недель.

– Так если выйти из Девятиэтажки, окажется, что мы не потратили время?

– Откуда же я знаю? – пожал плечами Иван, возвращаясь к работе. – Оттуда никто не возвращался.

– Но кто-то уходил?

– Сложно сказать, – нахмурился Иван и поправил очки с толстыми-толстыми стёклами, через которые он смотрел, только занимаясь работой. – Я раньше жил на шестом, и там странные вещи творятся. Страшные...

Если бы рассвет не обещался быть с минуты на минуту, Вадим повипытывал бы у Ивана подробности о шестом этаже. Местные терпеть не могли говорить о других уровнях Девятиэтажки почему-то и приходилось клещами тащить.

Оказавшись в квартире с жёлтой надписью «ВЫХОД», Вадим уже привычно достал две телогрейки из кучи в прихожей, закутал лицо шарфом и, вспомнив прошлую тяжёлую вылазку в лес, когда ледяной снег забился ему в штаны, примотал тряпками штанины к ботинкам.

– Фил сегодня с нами, – объявила Настя, уже ожидавшая Вадима у окна.

Их собралось шестеро: Вадим, Настя, Фил, Карина и Борис с Глебом. Последних все на этаже использовали лишь в качестве грубой физической силы. Принести дров для костра в квартире – зовите Глеба. Открыть заржавевшую дверь – ищите Бориса.

– Ты умрёшь там, – сказал соседу Вадим, заметив, как тот неуклюже пытается попасть рукой в руки телогрейки.

– Теперь ты меня понимаешь? – подняв бровь, Карина посмотрела на Вадима, указывая пальцем на Фила.

– Ты тоже с ним жила? – Вадим театрально схватился за сердце.

– Да, на четвёртом этаже, – кивнула Карина. – Соболезную тебе.

– Успокойтесь, – строго сказала Настя. – Если бы не Фил, мы бы оттуда не выбрались.

– Да что же там?.. – начал было Вадим.

Но вдруг в окно ворвался бурный поток ледяного ветра и сбил всех с ног. Вадим приземлился лицом в кучу телогреек, но, например, Глебу повезло меньше – он плашмя упал на пол, неуклюже подставив руку под тяжёлое тело и подвернув её.

– Чёрт, дело дрянь, – Борис осмотрел руку брата. – Глеб, иди к доктору.

– Да что он сделает... – сквозь зубы шептал тот. – Опять даст водки?

– Да, Глеб, иди к доктору, – повторила Настя. – Остальные – вниз!

Уже впятером они спустились по верёвочной лестнице на землю и пошли не в Больницу, а в лес за дровами для этажа. Они полубежали за Настей проторенной тропой, где Вадим успел выучить каждую ветку дерева. Они всегда приходили на одну и ту же тихую, хорошо освещённую поляну, где редко появлялись тени. По крайней мере сам Вадим их здесь видел всего раз. И в тот раз Карине удалось отпугнуть их своей жутковатой чревоушательной способностью.

– Полторы недели без теней – подозрительно, – сказала Карина, когда они вышли на поляну.

– Не нагнетай, – хмыкнул Фил, доставая из-за плеча топор.

– Ногу себе не отруби, – посоветовала Карина.

– За своими ногами следи, – рассмеялся Фил, видно, давно не обижаясь на слова девушки.

Всегда они старались управиться как можно скорее и вернуться домой до заката, который здесь наступал через четыре часа после рассвета. Вадим даже радовался физической работе, которая помогала согреться в холодном аду леса и отвлечься от безрадостных мыслей о настоящем и будущем. Методично размахивая топором вверх-вниз и стёсывая куски замёрзших стволов, Вадим вспоминал жизнь в Москве: такую близкую и такую далёкую. Не любимая, но терпимая работа, не близкие друзья, но знакомые, с которыми вечером можно попить пива, не до потери пульса обожаемая девушка, но та, с которой неплохо провести ночь. Пожалуй, у него была среднестатистическая жизнь московского планктона. И чтобы вернуться к этой простой, но такой привычной жизни, он мог бы убить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.